Я-17р.
5817
ИЗЪЯТО

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ

КН
65А
Б81

НА ЗАРЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

114186

ФЕДЕРАЦИЯ · 1932

ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ
НЕ ПОЗЖЕ
ОБОЗНАЧЕННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Ш-11
114186

КН
65А.
Б81

ВЛАД. БОНЧ-БРУЕВИЧ

ГОСУД. ОРД. ГОР. НАЦ. МЕН. ЗАВ.
КАБИНЕТ ЛЕНИНИЗМА
947 р.
Б 817

НА ЗАРЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ПРОЛЕТАРСКОЙ БОРЬБЫ

(ПО ЛИЧНЫМ ВОСПОМИНАНИЯМ)

ПОДЛЕЖИТ ВОЗВРАТУ
11/11 1986

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ФЕДЕРАЦИЯ“
МОСКВА
1 9 3 2

Автор: Влад. Дмитриевич Бонч-Бруевич. Отв. ред: С. Канатчиков. Техред: Н. Гроймер. Обложка худ. Фишера

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА
565787

Уполн. Главлита № В—8403. Фосп № 659/6. Тираж 5200. Сдано в набор 30/X 31 г. Подписано печати II/I—32 г. Бумага 72×110. Печ. листов $2^1/_2$. Печ. знаков — 42250 в листе. Типография газ. „Правда", Москва, Тверская, 48. Заказ 2723.

I

ПЕРВОНАЧАЛЬНАЯ ТЕХНИКА ПОДПОЛЬЯ

На самой заре социал-демократического движения в России нам особенно трудно приходилось с нелегальной литературой. В 80-х и 90-х годах прошлого столетия за границей усиленно развили свою литературную деятельность Плеханов, Аксельрод и Засулич, образовавшие вместе с другими товарищами в Женеве группу «Освобождение труда», которая имела свою зарубежную типографию. В ней и печатали наши старые товарищи, первые социал-демократические просветители подрастающего поколения, свои произведения, будь то брошюры, книги или широко известный первый социал-демократический журнал «Социал-демократ». Но эта литература в то время в редких случаях доходила в Россию; разве кто-либо поедет за границу и, возвращаясь обратно домой, в своем багаже или в карманах провезет несколько книг. И вот эти-то книги ходили по рукам; мы их переписывали целиком или делали выписки отдельных статей и ими пользовались по круж-

кам. Транспорт, как таковой, почти отсутствовал, а попытки к его осуществлению, которые делал тов. Райчин, оканчивались неудачами. Этот единственный транспортер группы «Освобождение труда» был вскоре арестован и пошел в Сибирь, в ссылку. Вернулся он за границу в 1898 году сильно надломленным и психически потрясенным.

Само собой понятно, что этих случайных доставок было слишком мало. Теоретическая мысль наша билась в рамках легальщины, а так хотелось заглянуть туда, в эти диковинные книги, которые появлялись на свободном русском станке, или прочесть те, которые вышли у нас в 70-х годах, когда цензура была более свободна и менее придирчива, теперь, к нашей эпохе, — к эпохе 90-х годов,—конфискованные царским правительством. К таковым книгам принадлежали: первый том «Капитала» Маркса, сочинения Лассаля, «Рабочий вопрос» Флеровского и много-много других, которые в былое время легально издавал кружок чайковцев, занятый всецело просветительной работой и изданием книг революционного и общественного содержания.

Когда потребность в нелегальной книге и брошюре выросла до последнего своего предела, то у нас в России тоже начались попытки устройства нелегальных типографий, но после разгрома «Народной воли» во время реакции Александра III эти попытки были и очень слабы и очень неудачны. Последняя из них — попытка народоправцев,

которые организовали свою типографию в Смоленске, где они отпечатали известную брошюру «Насущный вопрос», — была очень неудачной, так как вскоре после того как брошюра вышла, провалилась транспортная ветвь этой организации, а затем и сама типография. Это произвело отчаянное впечатление в молодых марксистских кругах, и мы долгое время не решались приступить к созданию типографии, а потребность в нелегальной книге была огромна и с каждым месяцем все более жгуче нарастала.

И вот в 1892, 1893, 1894 гг. в Москве, в Петербурге, в провинции, — везде начинает появляться нелегальная литература, отпечатанная на гектографах. Неудобный это был способ печатания. Неудобен он был потому, что давал очень мало хороших оттисков, самое большое 45, 50, 60 экземпляров, а затем буквы расплывались, и читать было очень трудно.

Гектограф изготовляли мы сами, для чего покупали в аптеках глицерин, желатин и другие снадобья, нужные для варки гектографической массы. Масса эта варилась в обыкновенной кастрюле, выливалась в противень, ставилась на стол, и ей давали спокойно застыть. Через несколько часов образовывалась студнеобразная твердая масса, которая была основанием нашего печатного станка. Мы писали химическими чернилами обыкновенно крупными печатными буквами или каллиграфически те брошюры, которые мы хотели издать. Пи-

сали форматом в одну четверть писчего листа, без оборота страницы, а так, чтобы первая страница была рядом с четвертой, вторая — с третьей. Таким образом, когда мы переводили этот написанный химическими чернилами текст на только что застывшую студнеобразную гектографическую массу, то у нас образовывался своеобразный литографский станок; на него мы накладывали чистые полулисты бумаги, которые слегка приклеивались к этой массе. Мы разглаживали их чистой тряпочкой или платком и затем, через минуту — другую, осторожно беря за уголок, сдергивали. Если бывала возможность заготовить и другой гектограф, то сейчас же печатали и оборотную сторону этих полулистов, то есть вторую и третью страницы. Таким образом у нас получались полулисты, напечатанные со всех четырех сторон.

Чем дальше печатали мы, тем все бледней становились оттиски, так как химические чернила истощались, и наконец бледность бывала так сильна, что работа должна была прекращаться; это совершалось обыкновенно на сорок пятом, пятидесятом, редко на шестидесятом оттиске. И вот опять приходилось эту массу расплавлять в кастрюле, переваривать, вновь и вновь выливать на противень, чтобы опять получить гектограф. Чем чаще употреблялся гектограф, тем хуже становилась масса; химические чернила сливались с синеватым цветом массы, и новые переводы с бумаги уже выходили недостаточно ясными. Поля бумаги при-

обретали синеватый оттенок, буквы очень скоро расплывались.

Гектографическую массу приходилось тщательно уничтожать, чтобы не навести кого-либо на след. Вновь приходилось покупать составные части гектографа, причем в одной и той же аптеке нельзя было покупать все нужные препараты: аптекари очень следили за тем, чтобы не продавать в большом количестве в одни руки желатин и глицерин и все, что нужно другое, так как им было объявлено, что изготовлять гектографы или продавать гектографическую массу строжайше запрещалось. Нам приходилось назначать в каждой такой группе по нескольку человек, которые только то и делали, что ходили по Москве, — чем дальше от того места, где была печатная мастерская, тем лучше — и скупали все нужное для составления гектографа. А так как таких кружков в Москве было несколько и приходилось всем изыскивать одни и те же препараты, то бывали смешные случаи, когда в одну и ту же аптеку почти одновременно приходило несколько человек за одними и теми же аптекарскими весьма подозрительными товарами. Нам приходилось, сговорившись с другими организациями, размежевывать Москву на кварталы, чтобы каждый покупал в своем собственном, не заглядывая в аптеки квартала, где работала другая организация.

Все это сильно затрудняло работу, прежде всего потому, что она делалась более гласной, чем это

допускала конспирация. Так как и охранная и уголовная, тайная и явная полиции усиленно следили за всякой печатной деятельностью, то само собой понятно, что наши организации не могли безнаказанно долго просуществовать и сами должны были своевременно свертывать свою деятельность. Другим весьма затруднительным обстоятельством в нашей работе было изыскание писчей бумаги. Хотя она и продавалась совершенно открыто, хотя мы ее могли покупать стопами во всевозможных магазинах, но ее необходимо было проносить в одно и то же место.

Современные читатели даже и представить себе не могут, что делалось тогда в Москве на улицах, особенно в кварталах, где жила молодежь. Шпионство, соглядатайство, предательство и всякого рода слежка — были самые отчаянные. Нашими врагами были и городовые, и дворники, и швейцары, и домашняя прислуга, и, наконец, нередко хозяйки квартир, где жило студенчество. С одной стороны, все боялись, чтобы самим не попасться в чем-нибудь предосудительном; с другой стороны, знали, что за всякий донос и шпионство охранное отделение платит. Находились любители, которые следили не за страх, а за совесть, боясь «смутьянов и крамольников», как звали нас обыватели. Решительно всюду, за каждым углом таилась опасность. Поэтому даже бумагу мы не могли носить открыто. Портфели тогда были не в моде, и редко было видно, чтобы кто-нибудь нес под

мышкой портфель. Это была привилегия чиновников и квартальных надзирателей, которые разносили огромное количество бумаг по домам и объявляли их под расписку обывателям. Так как писчая бумага не должна была быть помятой, иначе очень плохо выходило на гектографе, то при малейшей возможности все участники гектографической печати несли в руках или за пазухой дести писчей бумаги и складывали ее у себя дома, конечно так, чтобы никто из домашней прислуги или квартирных хозяек не видел ее.

Большая возня была также и с отпечатанными оттисками: они, высыхая, свертывались в трубочку, и их надо было довольно долго держать под прессом, чтобы они опять приняли надлежащий вид.

И вот, представьте себе, когда мы, студенты, жили в небольших комнатах редко в двух, если поселялись вместе два-три товарища, каково нам было со всем этим справляться! Каким счастьем для нас была квартира покойной Варвары Михайловны Величкиной, которая жила со своей революционной семьей в Москве в Ольховцах, на Ольховской улице!

Ныне умершая старушка Варвара Михайловна, вдова священника, каким-то образом восприняла в себя революционный дух эпохи 70-х годов. Она ненавидела прежде всего свое священническое сословие, знала его вдоль и поперек и всегда говорила, что нет хуже этого сословия.

Ее покойный муж, чуждавшийся своих соратников, держался всегда отдельно, одиноко и угрюмо, за что был весьма ими презираем. Он очень любил молодежь и думал свою крепкую думу, которая была очевидно совсем не подстать окружающей его среде. Как это нередко бывало в те годы, он стал одиноко заливать свою думу вином, подорвал свое здоровье и умер, не достигши пятидесяти лет.

Его старшие сыновья, приобщившись к радикальному направлению 70-х годов, работали на медицинском и инженерном поприще, отличались свободомыслием, но не имели прямого отношения к революционному движению. Старшие дочери были заражены духом просвещенства того времени: одна ушла в народ в качестве учительницы, другая работала в городе на высших курсах и вела преподавание не только в гимназиях, но и на воскресных Пречистенских рабочих курсах.

Младшее поколение было уже не то. Оно впитало в себя революционный дух сначала народничества, потом марксизма. Быстро покончив счеты с народническим и народоправческим уклонами, они стали серьезно заниматься изучением политической экономии, прилежно читали Маркса и уже в начале 90-х годов примкнули к могучему марксистскому революционному социал-демократическому движению.

В то время, когда мне пришлось познакомиться с этим выдающимся очагом московской рево-

люции, дом Величкиных был наполнен самой радикальной и марксистской молодежью. Помимо самих хозяев,— Веры Михайловны, Клавдии Михайловны и Николая Михайловича Величкиных,— вскоре примкнувших к московской с.-д. организации, — тут я встречал и А. А. Богданова-Малиновского, и И. И. Скворцова-Степанова, и П. Г. Смидовича, и П. Н. Колокольникова, и Зернова, и Т. И. Попова, и многих других.

Этот дом принадлежал Варваре Михайловне Величкиной, а потому она могла держать того дворника, которого хотела, и имела отдельную квартиру для себя и своей семьи. Здесь нам было легче, чем где-либо, организовать гектографическую печатню. Мы отпускали прислугу на побывку в деревню и в это время свободно варили гектографы, печатали, раскладывали отпечатанные листы по всей квартире, сушили их и вообще чувствовали себя хозяевами большой революционной мастерской. Отпечатав эти произведения, мы сшивали тетрадки и придавали им насколько возможно опрятный вид. Старушка Варвара Михайловна выносила отпечатанные экземпляры в своем саквояже и доставляла туда, куда мы ей указывали.

Дом Величкиных находился под надзором полиции, так как по народоправческому процессу целый ряд лиц из их семьи, после тщательного обыска, был арестован и привлечен к делу. Но и тут громкое звание домовладелицы, вдовы священника, помогало нам: тот околоточный, кото-

рый приходил со всевозможными бумагами, получал от нее жалованье двадцать пять рублей в месяц и до такой степени был доволен этой неофициальной прибавкой к своей нищенской заработной плате, что не только не обращал внимания на то, что делалось у нас, но нередко говорил Варваре Михайловне:

— Что это барышня-то ваша какого кавалера себе нашла? Куда ни пойдет, за ней шпики так и побегут. Не дело это, надо бы ей переменить кавалера.

Такие сведения мы сейчас же учитывали, стараясь разузнать, кто же именно был этот «кавалер», за которым так увиваются шпики.

До какой степени в то время была продажна полиция, свидетельствует также еще и другой случай, происшедший в этом же доме. Когда пришли сюда жандармы с обыском по поводу народоправческого дела и арестовали нелегально жившую здесь Марию Сицянко-Ослопову, то пристав, делавший обыск и совершенно растерявшийся при мысли, что у матушки-попадьи могут быть какие-нибудь компрометирующие ее бумаги, намекнул Варваре Михайловне, что если что-либо нужно спрятать, так можно это сделать. Ее сын Николай Михайлович только что принес протоколы Объединенного совета землячеств, которые он не знал куда деть и тут же во время обыска положил их на кресло. Варвара Михайловна, увидев отчаянный его жест, пригласила пристава сесть на это

кресло. Тот сейчас же, очевидно, догадавшись, в чем дело, плотно расселся в нем, придавив своей тучной фигурой крамольные протоколы, и так просидел здесь в течение всего вечера, выкуривая папироску за папироской.

Составили протокол, подписали, подписал его и пристав. Арестовали Николая Михайловича, арестовали Сицянко, увезли их, а пристав все сидел и сидел до тех пор, пока шпики охранного отделения и его ответственные агенты не стали уходить.

— Ну, теперь и мне можно,—сказал пристав,— кажется, все закончено.

И он не спеша поднялся, позвякивая шпорами, распрощался с матушкой и ушел, весело переговариваясь со своими сотоварищами по обыску.

Когда я через два дня пришел на эту квартиру, то Варвара Михайловна, заливаясь от смеха, рассказала мне о том, как этот страж самодержавного порядка спасал крамольные документы.

— Не даром, — сказала Варвара Михайловна,— я постоянно угощала его кофе и к праздникам посылала наградные. Вот оно и отлилось, а то бы Коля серьезно влетел по этому делу.

В то время, к которому относится мой рассказ, то есть к концу 1894 и началу 1895 года, в Москве нелегальных гектографических мастерских было несколько. Покойный Вацлав Вацлавович Воровский, будучи студентом Технического училища, также организовал техническую группу, с которой

я имел постоянное общение и куда передавал для перепечатывания брошюры, необходимые для нашей пропаганды.

Такая же организация была у студентов Флеровых, которые жили где-то на Плющихе и печатали таким же способом различную литературу. Еще такой же кружок организовал очень популярный в то время марксист, социал-демократ Гарюшин. Группа политического «Красного креста» печатала нелегальные произведения Толстого и других крупных литераторов разных направлений для распространения среди так называемого «общества», чтобы возможно больше выручать за них денег и помогать этими деньгами политическим ссыльным и заключенным, без различия партий и направлений.

Мы бились все время над пропагандистскими брошюрами, издавали «Кто чем живет?» Дикштейна, отрывки из Лассаля, отдельные небольшие произведения из Маркса (помню, была переиздана его брошюра «Наемный труд и капитал») и кое-что из Плеханова и многое другое, что нам попадало под руки и что мы считали необходимым размножить для более или менее широкого распространения. Должен сказать, что вся эта возня и стряпня с гектографом нам ужасно надоедала, и мы не удовлетворялись этим примитивным орудием нелегальной печати. Огромным переломом в деле распространения нелегальной литературы было крупнейшее техническое достижение 1895

года. Я говорю о русском изобретении мимеографа Эдиссона, которое было произведено известным химиком, революционером, социал-демократом Леонидом Петровичем Радиным.

II

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ТИПОГРАФИИ

Гектографы нам надоели до ужаса и мы твердо решили от них отойти, тем более, что рабочая масса плохо читала то, что выходило с гектографа. В этих тетрадках всегда был какой-нибудь изъян: или угол бумаги был загнут, или получалась какая-нибудь клякса или плешивина, или плохо выходили отдельные строки. Рабочие тех лет никак не могли привыкнуть к такого рода литературе, небрежно к ней относились, нередко не хотели читать или не дочитывали, что нас крайне печалило. Лично мы, конечно, были рады всякой литературе, даже напечатанной на гектографе. Как на пример, укажу на знаменитые синие тетрадки, в которых было опубликовано произведение Владимира Ильича: «Что такое друзья народа, и как они воюют против социал-демократов?» Это издание отличалось аккуратностью, так как оно написано было не от руки, а на машинке, почему гектографические оттиски читались очень хорошо. Но пропагандистская литература не могла быть более

выпускаема на гектографах, и наша московская организация, сгруппировавшаяся вокруг кружка Величкиных, решила поставить собственную типографию.

Конечно, мы решили поставить ее в том же доме Величкиных. Для этого мы раскопали подвал, спустились в подпол и, к нашему великому счастью, наткнулись на большое пустое пространство, в котором нельзя было встать во весь рост, но которое, если его значительно углубить, могло дать площадь, достаточную для установки печатного станка и наборной кассы. Для того, чтобы выгрести оттуда землю, то я, то Николай Михайлович Величкин, то Иосиф Федорович Блинов, то Владимир Иосифович Сицянко, который время от времени приезжал к нам из Харькова, спускались в это подземелье и работали там, задыхаясь в пыли. Руками и совками выгребали мы землю, отчасти забивали ею ненужные пространства в другом месте того же подземелья или выносили ее оттуда в мешках и сбрасывали в глубокое отхожее место.

Работа шла очень дружно и весело. Энтузиазм охватывал нас, когда мы чувствовали, что все более и более приспособляем наше подземелье для типографии, которую намеревались устроить.

Бывали с нами при работе курьезы, которые стоили нам много нервов, но, к счастью, благополучно кончались. Так, однажды Владимир Сицянко, желавший исследовать наше помещение, залез

ПОГАШЕНО
565787

в такой проход, что назад выкарабкаться никак не мог и изнемогал, лежа в чрезвычайно узком проходе. Мы спохватились, что его долго нет, спустились в подвал и увидели его дрыгающие ноги. Мы стали его оттуда тихонечко вытаскивать, а он старался повернуться так, чтобы пройти благополучно узкий проход. Дело кончилось тем, что мы не только разорвали на нем одежду, но очень сильно поцарапали ему плечо и руку, но все-таки вытащили.

— Я уж думал, что придется остаться там,— сказал он, как всегда, посмеиваясь. — Ведь я до такой степени изнемог в этой ужасной пыли, что стал засыпать и заснул, если только это не был обморок. Хорошо, что вы пришли. На меня пахнуло свежим ветерком, и я задрыгал ногами, чтобы дать вам знать, что я еще жив.

Исследование его оказалось для нас очень полезным, так как за этим узким проходом, напоминающим широкую щель, он открыл довольно значительное пустое пространство, которое находилось ниже уровня пола, почему нам легко туда было сгребать лишнюю землю.

В другой раз я, вместе с И. Ф. Блиновым, спустившись в подземелье, энергично продолжали, как наиболее сильные и здоровые, наши земляные работы. Мы завязали рты платками, чтобы не задохнуться в той невероятно мелкой пыли, которая в нашем подземелье всегда поднималась, как ни старались мы очистить пол, стены и пото-

лок от десятилетних ее накоплений. Шопотом переговариваясь, мы вдруг услышали, как раздался звонок и по парадной лестнице, которая была ближе всего к нам, послышался топот ног, сопровождаемый отчетливым звоном шпор. Это было уже вечером. Мы сию же минуту погасили свечу, боясь, чтобы где-нибудь в какую-либо щелку не проник бы свет, затаили дыхание и приостановили работу.

— Жандармы, — тихонько сказал Блинов.

— Пожалуй, что так, — ответил я. — Что-то много ног слышно...

И мы замолчали... Через некоторое время, значительно отдаленнее, мы услышали движение стульев и опять мерный, тихий звон шпор. Очевидно, кто-то ходил по комнатам, осматривая квартиру. Кто же это мог быть, как не жандармы?

— Чорт побери, — сказал Иосиф Федорович,— а ведь пальто-то, и мое и ваше, висят там.

Шапки были у нас на головах. Мы их надевали для того, чтобы поменьше пыли набивалось в волосы. Нас стал разбирать смех. Мы ясно представили себе, как жандармы производят обыск, как Варвара Михайловна — эта уже достаточно обстрелянная и обтерпевшаяся старушка — дает наивные ответы на испытующие вопросы жандармов и как они, обнаружив наши пальто, будут недоумевать, откуда они, так как мужского населения, кроме одного Н. М. Величкина, никого в этой квартире не было.

— Может быть, Варвара Михайловна успеет снять пальто, — сказал мне тихонько Блинов.

— Вряд ли, — ответил я, — ведь в прихожей всегда оставляют или дворника или понятого, который сторожит дверь.

Через некоторое время опять раздался звонок на парадном. Кто-то быстро побежал вниз, сильно топая, откинул крюк, и по лестнице торопливыми шагами поднялось еще двое.

— Наверное, приехали охранники, — сказал мне Иосиф Федорович. — Они всегда на обыск являются позднее, чем полиция и жандармы. А это бежал вниз дворник или понятой, а может быть, и городовой.

Мы продолжали лежать, перешептываясь и еле сдерживая нервный, все более и более душивший нас, смех.

— Однако сколько же времени придется нам лежать здесь? — недоумевающе спросил Иосиф Федорович. — Чорт побери, они могут там до утра пробыть, если начнут как следует обыскивать! Всех заберут, квартиру опечатают, вот будет история!.. Мы вылезем, если нас не откроют, и, как шуты гороховые, должны будем в таком виде, без пальто, выйти на улицу. Это же чорт знает, что такое! Ведь нас сейчас же заберут, — продолжал он развивать свои догадки.

— Ну, может быть, Варвару Михайловну не заберут, — ответил я.

— Да ведь и на нее стали очень сильно коситься. Помните, как с ней дерзко говорил последний раз в охранке Зубатов, когда неожиданно вызвал ее на допрос. «Смотрите, матушка, — сказал он ей, помня, что она жена священника,— вы что-то очень дружите с вашей молодежью, как бы и вам не отправиться туда, где ваши детки». А вы знаете — этот негодяй попусту слов не тратит.

В таком положении мы вероятно пробыли часа полтора. Потом вдруг услышали усиленный топот ног, задвигались стулья, зашумели шаги, хлопнули двери, и по лестнице один за другим стали сходить люди. И опять раздался все тот же мерный и отчетливый звон шпор.

— Кончилось, — сказал мне Иосиф Федорович. — Наверное, нашли нашу литературу, всех забрали, не стали производить дальнейшего обыска и уводят. А мы с вами, Владимир Дмитриевич, остались на воле, но в костюмах шутов гороховых!

Пока мы соображали, что нам предпринять, мы услышали, что все вышли, кто-то запер парадную дверь на крюк и торопливыми легкими шагами стал подниматься кверху. Я прислушался. Мне показалось, что это шаги Варвары Михайловны.

— Вот как! Значит, кто-то остался на воле,— подумал я и свою мысль произнес вслух.

— А не кухарка ли это? — ответил мне Иосиф Федорович. — Чрезвычайно подозрительная жен-

щина... Вы заметили, что она всегда старается встать в передней за вешалку, когда мы пьем чай и разговариваем. Ее все интересует. По-моему, она шпионка.

— Да, это верно, я тоже на это обратил внимание. Особенно что бросилось в глаза, что она старается войти в комнату Николая Михайловича, когда все оттуда уйдут, точно желая посмотреть, не принес ли он чего. Чорт ее знает! Ведь она может стащить какую-нибудь книжку и отнести ее жандармам. Теперь охранное отделение всюду организовывает своих шпионов и подкупает домашнюю прислугу.

В это время мы услышали, как захлопнулась верхняя дверь, и не решались:—вылезать нам или нет? Только что мы надумали все-таки вылезть и стали понемножку подниматься кверху из подземелья, как опять скрипнула дверь и раздались те же торопливые шаги. В наш чулан, который был под лестницей, открылась дверь, и кто-то постучал в деревянную перегородку, которую мы разбирали, когда нам нужно было проникнуть в наше помещение для типографии.

— Вы живы?—услышал я голос Варвары Михайловны.—Вылезайте скорее, пока Маруся ушла за хлебом.

Мы подняли две доски перегородки, зажгли огарок и вылезли из нашего убежища. Опять заложив стену, мы вышли на парадную лестницу и быстро поднялись в квартиру.

Когда мы вошли, все присутствовавшие,— а в сборе была вся семья Величкиных,— хохотали до упаду, смотря на нас, ужасно вымазанных в пыли.

— Ну что, натерпелись страху?—сказал Николай Михайлович. — Ведь вот, бывают же обстоятельства!

— В чем дело?—спросил я.

— Представьте себе, моя старуха не уплатила какой-то налог. Приперся к нам судебный пристав вместе с участковым приставом, с понятыми, с дворниками и хотел описывать вещи,—а заплатить-то надо было всего двадцать семь рублей пятьдесят семь копеек. Денег этих у нас в наличности не оказалось, и вот они хотели опечатывать мебель, составили акт описи, собирали подписи, а вы там сидите и думаете, небось, что обыск...

Кое-как обчистившись и отряхнувшись, мы сели за чайный стол и стали передавать свои переживания. Смеху не было конца. Оказалось, что участковый пристав все время уговаривал молодого судебного пристава, что описывать и опечатывать мебель не нужно, а нужно взять подписку, что деньги завтра будут внесены. Тем дело и кончилось, и мы стали думать, откуда нам раздобыть эту сумму, чтобы больше к нам не являлся судебный пристав.

Наконец, наше предприятие подвинулось настолько, что мы стали думать о шрифте и нужных нам типографских принадлежностях. Задача была чрезвычайно тяжелая и трудная. Шрифты во всех

типографиях были на учете. Если взять шрифт из типографии и выпустить прокламацию или книжку, то специалисты-словолитчики тотчас же узнают, откуда этот шрифт был выкраден, и дадут верный след охранному отделению, где искать начало политического преступления. По этой нити они смогли бы найти всю организацию.

Так как у моего отца была типография—я великолепно знал все эти правила и не однажды присутствовал при разговоре инспектора типографии, который брал с отца подписку тщательно проверять и перевешивать шрифт, смотреть за ним, чтобы он никуда не исчезал. Но типографское дело к тому времени до такой степени расширилось в Москве, что требования инспекторов по делам печати были весьма курьезны и невыполнимы, ибо даже небольшая типография имела уже сотни пудов шрифта, и заметить исчезновение из типографии двух, трех, пяти пудов было очень трудно.

Я работал в типографии моего отца и хотя все более и более отдалялся от этой работы, так как она меня совершенно не удовлетворяла, но, будучи связан с издательством П. К. Прянишникова, где я редактировал народные книги,—(печатались они в типографии моего отца),—мне все-таки постоянно приходилось бывать в ней, где я чувствовал себя, конечно, как дома. Я твердо решил воспользоваться моим пребыванием в типографии

отца и взять оттуда все, что мне было нужно для организации нелегальной типографии.

Я знал, что этим могу подвести отца, который, к тому же, был чиновником государственной службы по межевому ведомству, в силу чего ответственность его еще более была серьезна. Это обстоятельство, не поколебавшее во мне желания во что бы то ни стало осуществить постановку нелегальной типографии, заставило меня продумать все это предприятие самым тщательным образом.

Изучая шрифты типографии моего отца, я всеми мерами старался познакомиться с шрифтами других, особенно больших типографий. Вскоре я установил, что в то время получил большое распространение по типографиям шрифт, так называемый Боргес-петит, которым печатали большие книги справочного содержания или огромные цитаты в медицинских книгах, а также словари. Мне стало известно, что этот шрифт во многих словолитнях заказывается тысячами пудов и что его не только продают в Москве, но и отправляют в провинцию. Очко шрифта было очень четким и, вместе с тем, чрезвычайно убористым при наборе.

Я сделал доклад нашей инициативной группе о моих соображениях на этот счет и показал им оттиски этого шрифта. Шрифт всем пришелся по вкусу, его одобрили, и я решил именно этот шрифт вынести из типографии отца в том количестве, которое нужно было для нашей нелегальной ти-

пографии. Мы считали, что если мы будем иметь пудов пять этого шрифта вместе с заглавными шрифтами, квадратами и шпациями, то нам с избытком хватит.

Само собой понятно, что сразу вынести такое количество не представлялось никакой возможности. Необходимо было выносить его по частям. Для этого я сказал отцу, что нуждаюсь в заработке и просил его дать мне корректуру. Отец согласился и я стал приходить в типографию читать гранки первой корректуры после двух часов дня, мотивируя тем, что так располагается мое время, что часы, которые я могу посвятить корректуре, совпадают с часами этой полувечерней работы.

В то время в типографии отца печаталась справочная адресная книжка города Москвы, которую издавал П. К. Прянишников. Она набиралась как раз шрифтом Боргес-петит. Шрифт отпечатанных листов этой книги ставился на досках в комнате, которая находилась рядом с корректорской.

На мое счастье, другие корректора как раз в часы, когда я должен был читать, делали перерыв и уходили домой. Тщательно исполняя свои обязанности, я, конечно, всегда имел возможность совершенно спокойно и свободно входить в соседнюю комнату и, рассматривая отпечатанные страницы, составленные в гранки на типографских досках, выбирал наиболее подходящую полосу для нашей нелегальной типографии. Делал это я

так, чтобы попадались самые разнообразные буквы. Успешно выносил столбец, фунтов в пять-шесть весом, клал в приспособленный для этого особый карман моего пальто и незаметно уходил с этим грузом. С всевозможными предосторожностями я приходил в Ольховку, иногда дожидаясь вечера, и вносил шрифт в квартиру Величкиных. Сейчас же разбирал его, смешивая все буквы слов, чтобы ни в коем случае не могли по тексту узнать, откуда он, тут же набирал его в верстатку, которую я тоже вынес из типографии отца, и, связывая гранки, завертывал их в бумагу и отправлял в подземелье.

Таким образом у нас накопилось более двух пудов шрифта. Постепенно я также вынес типографскую краску, типографский шнур, шило, цинковую доску для набора и всякую другую мелочь. Мы стали уже думать о том, чтобы раздобыть хотя бы примитивный самодельный печатный станок, над конструкцией которого я главным образом работал, как вдруг, в одно из свиданий с Анной Ильиничной Ульяновой-Елизаровой, с которой я к тому времени познакомился, я узнал радостную весть, что в Петербурге появились брошюры, отпечатанные в тайной типографии. Анна Ильинична передала мне по одному экземпляру книг: «Ткачи», Гауптмана, «Рабочий день», «О штрафах» и «Царь-голод».

Этот вечер был до такой степени для меня радостен, и до такой степени приятно было мне

видеть эти брошюры нелегального содержания, отпечатанные в великолепной типографии,— так все сделано было ясно, четко, книги сброшированы, что было очень редко в нелегальных изданиях, оклеены в прекрасные обложки, — что мне сейчас же захотелось отдать всего себя на служение этому делу. Я сказал Анне Ильиничне, что, несмотря на то, что я принимаю участие в целом ряде московских кружков, я считаю дело транспорта книг из этой типографии самым важным из того, что делается теперь вокруг меня, и предложил ей сейчас же свои силы для транспортирования и распространения этой литературы в Москве.

Анна Ильинична, которая была вся предана революционному делу, так же, как ее муж, М. Т. Елизаров, с большим доверием отнеслась ко мне и тут же, при моем уходе, вынесла мне штук по пятидесяти этих брошюр. Я набил карманы этой драгоценной ношей и, не чуя под собой земли, не шел, а несся в Ольховцы.

Дорогой вдруг подумал: «А что если там обыск? А вдруг там следят, и я, который сказал Анне Ильиничне, что буду служить этому делу, могу сейчас же попасться с брошюрами и дать громадную важнейшую нить в руки охранного отделения». «Нет, нельзя мне итти сейчас в Ольховцы», — пронеслось у меня в голове, — «теперь дело еще серьезней, чем было раньше». И я тотчас свернул в переулок, спокойно пошел по не-

известным мне закоулкам, осматриваясь кругом, не идет ли кто за мной, и тихонько, как будто не был ничем занят, поплелся к себе домой на Бронную в дом Мозжухина.

Я жил с моим близким товарищем, Иосифом Федоровичем Блиновым, занимая две смежных комнаты: он — одну, я — другую. Когда я пришел, дома, к моему счастью, никого, кроме Иосифа Федоровича, не было. Раздевшись, я подумал, — можно ли ему, моему другу, доверить драгоценность, которую принес с собой, хотя бы показать ему? Ведь эта литература дана мне для распространения; о связи между мной и Анной Ильинич-ной никто не знает. Если бы я провалился сегодня ночью, это, конечно, было бы большой бедой для общего дела, так как у меня найдут эту литературу: но все-таки вряд ли они доберутся до ее склада и мне несомненно нужно принять меры для распространения книжек, но где? Конечно, больше всего среди рабочих.

Иосиф Федорович входил в нашу организацию, и я решил посвятить его в свою великую тайну. Я не сказал ему, что у меня есть довольно много экземпляров каждой брошюры, а вынул по одной. Когда мы с ним ораженить чай, я запер дверь на ключ, чтобы могла войти неожиданно, и сказ распространеновичу:

— А вот, дорогской типографии и угощенье к чаю, — и показал аилом Степанович

Тот остолбенем, его женой Александим глазам,

что это нелегальные брошюры,—уж так они были хороши. Тут же вполголоса мы стали с ним читать прежде всего «Ткачей» Гауптмана, о которых слышали, но которых не знали. Они произвели на нас колоссальное впечатление. Мы читали брошюру за брошюрой и видели, что где-то, кто-то написал новые великолепные вещи, конечно, не зная того, что эти вещи («О штрафах» и «Рабочий день») принадлежали гениальному перу Владимира Ильича Ленина.

Всю ночь прошушукались мы с ним; не могли найти себе покоя, обдумывая подробно, каким образом распространять эту литературу. Решили на другой день отправиться в Ольховцы, чтобы поделиться нашей радостью с друзьями. Под утро, когда мы, чуть заснувши, поспешили встать, Иосиф Федорович подошел ко мне, посмотрел в упор близорукими глазами через немножко дымчатые очки и сказал:

— Ну, вот что, Владимир Дмитриевич, я хотел вам сказать. Дело это очень важное и рискованное, и одному тянуть его очень трудно. Необходимо отдыхать, а потому давайте мы будем так: ваши связи у вас, я их не касаюсь,—я знаю, что вы весь в конспирац[illegible] когда вы принесете литературу, то уст[illegible]ишую ни[illegible]ередь: одну ночь книжки лежат у [illegible]т, нельзя мн[illegible]тью в чемодане, если мы их не у[illegible]неслось у меня [illegible]анить за день, а другую ночь—в[illegible]езней, чем было [illegible]меня под кроватью. Если [illegible] в переулок, спокой[illegible] у меня—мое

дело, найдут у вас—ваше дело. Будем помогать друг другу.

Я глубоко почувствовал всю серьезность и всю товарищескую этичность этого предложения. И не потому, что мне нужно было чередоваться в конспиративной опасности и мечтать об отдыхе: я был очень силен, энергичен, непреклонен в своих желаниях и не знал еще тогда никакой усталости, — но отказать ему, смотревшему на меня детски-наивными, честными глазами, я никак не мог. Почувствовав с ним большое душевное единение, понял, что если бы я отказал ему, то этим глубоко оскорбил бы его, и, не возражая, ответил:

— Ну, что же, Иосиф Федорович, если так вам хочется, пускай будет так.

И мы, уходя в Ольховцы, поделили ту литературу, которая была уже у нас; часть оставили у меня под кроватью в чемодане, так как я должен был в тот день разнести ее в другие кружки. В Ольховцы пошли разными путями: если заберут на улице одного, чтобы не подвести другого.

В Ольховцах мы застали несколько человек наших товарищей, помимо Величкиных. Когда я, улучив минуту, вынул брошюры и показал всем присутствующим, все были поражены и очарованы.

Так началось в Москве распространение литературы знаменитой Лахтинской типографии, которая была организована Михаилом Степановичем Александровым-Ольминским, его женой Александровой

и другими товарищами около Петербурга и принадлежала старым народовольцам. Но народовольцы эти все более и более приближались к марксизму. Они известны в литературе как «народовольцы четвертого листка», где они высказались за принципы марксизма и социал-демократизма.

С первых же дней своего существования они привлекли к сотрудничеству наших марксистских социал-демократических авторов. В первую голову они выпустили известную народовольческую брошюру «Царь-голод» и одновременно «О штрафах» и «Рабочий день», доставленные им из марксистских кругов и написанные Владимиром Ильичом Лениным. Также и «Ткачи» были им переданы к печати В. И. Лениным, причем перевод «Ткачей» был сделан А. И. Елизаровой, сестрой Владимира Ильича.

В скором времени мы получили через Анну Ильиничну новый небольшой транспорт книг из Петербурга и очень успешно распространили эти книги по заводам и фабрикам Москвы. Нам сообщили, что эта типография скоро выпустит новые брошюры, и перед нами встал вопрос, нужно ли нам самим устраивать в Москве такую же технику. Мы решили, что этого делать не нужно, а что всеми мерами нужно помогать петербургской типографии. Я предложил Анне Ильиничне сообщить в Петербург, что у нас имеется несколько пудов шрифта и, если для типографии нужно, то мы с удовольствием его им уступим. Через неко-

торое время пришел ответ, что шрифт нужен, и мы его перевезли к учительницам Ватбольской и Цибульской. Дней через десять шрифт был от них взят и благополучно доставлен в Петербург. Туда же мы отправили и все другие наши типографские принадлежности.

Долгое время мы очень удачно получали книги из Петербурга и не только ими наводняли Москву, но стали посылать их от себя в Рязань, Раменское, Саратов, Владимир, Иваново-Вознесенск. Целыми корзинами я привозил эту литературу к себе домой, и мы с Иосифом Федоровичем Блиновым по очереди сохраняли ее у себя под кроватью в чемоданах. Нам везло: ни разу мы нигде не попались, и к нам не нагрянули жандармы. Правда, мы были очень конспиративны и решительно никому, даже ближайшим друзьям не говорили о том, что храним литературу у себя; раздавали ее небольшими количествами и каждый раз придумывали, что отвечать на расспросы. Обыкновенно говорили, что получили ее где-нибудь на вечеринке,—одним словом, случайно. Эта предосторожность несомненно помогала нам.

Через некоторое время в Москве случился провал. Это было осенью 1896 года. Один из деятелей наших кружков, рабочий Кварцев, стал выдавать при допросах жандармов. Он заявил, что большая часть литературы, которой так сильно наводняли одно время Москву, получалась через меня. Каким образом он это узнал, до сего вре-

мени мне неизвестно. Я постоянно чуждался его, ибо он мне был весьма подозрителен своим странным поведением, желанием все выведать и все узнать, а кроме того, он сильно пил. А к таким людям я всегда относился отрицательно.

В конце 1896 года знаменитая Лахтинская типография в Петербурге провалилась, деятели ее накрепко засели в тюрьмы, и нам пришлось пожалеть, что мы не докончили устройства своей собственной типографии. В это время по всей России великолепно действовали мимеографы, которые одно время сильно помогали в деле распространения нелегального печатного слова.

III

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ МИМЕОГРАФ

I

Давно это было... В девяностых годах прошлого столетия, после голодных годов, в России везде и всюду стало проявляться заметное возбуждение... Как грибы после дождя, стали расти кружки, землячества, маленькие организации. Все мы, тогда еще только что начинавшие входить в жизнь, однако все более и более проникавшиеся идеями западноевропейского марксизма, с величайшим трудом находили книжки заграничного издания «Группы Освобождение труда», первый том «Капитала» Маркса, сочинения Н. Г. Чернышевского, Лассаля и тому подобные, строжайше тогда запрещенные книги. Находили, изучали и зачитывались ими, строя на них свои марксистские убеждения, которые, как крепкую твердыню, должны мы были противопоставить бушующим волнам враждебной буржуазно-самодержавной жизни. Исключительно теоретические занятия не удовлетворяли нас—хотелось жизни, практики,

общения с людьми, и мы всеми мерами искали сближения с рабочими и заводили среди них кружки самообразования.

Очень скоро обнаружилась необходимость в постоянном печатании воззваний, прокламаций, мелких книжонок и проч. Как печатать? Где, на чем печатать? Заграничного транспорта в то время почти не было. Мы варили массу для гекторафов, тайно печатали на них от пятидесяти до шестидесяти пяти экземпляров того, что было необходимо, и распространяли эти лиловые оттиски заветных листовок. Каждый такой листок считался величайшей драгоценностью и читался и перечитывался, пока не засаливался до дыр...

Вдруг появилось в газетах извещение, что гениальный американец Эдиссон изобрел мимеограф, то есть такой аппарат, который быстро, без особых приспособлений, занимая крайне мало места, может воспроизводить тысячи оттисков, размером до писчего листа.

— Да ведь он прямо для нас сделан!—говорили мы между собой.

— Надо достать... Обязательно достать. Но как? Министерство препон и препятствий вероятно уже оковало его мертвой цепью.

Узнали, что стоит он дорого, да и купить его нет почти никакой возможности, так как за каждым таким прибором установлен строжайший инспекторский надзор.

Приуныли мы...

И вот тут-то на помощь нарождающемуся движению явился из нашей же среды наш близкий друг, старший товарищ, учитель и единомышленник, ныне умерший, русский Эдиссон—Леонид Петрович Радин.

Помню его как сейчас, помню этого добродушного, скромного, вечно читающего, вечно думающего товарища, среднего роста, плотного, с громадной черной бородой и горящими, как уголья, глазами, сидевшими глубоко под нависшими черными бровями. Л. П. Радин был значительно старше нас. Нам было по двадцать, двадцать два года, а ему в то время—лет под сорок. Он пришел еще из времен народовольческих. Великолепно окончив университет, он, вместо того чтобы остаться в качестве приват-доцента, как один из любимых и талантливых учеников гениального русского химика Менделеева, по идее идет в народные учителя. С появлением за границей «Группы Освобождение труда» он делается страстным сторонником этой группы, стремясь повсюду проводить, распространять ее взгляды и читать все то, что выходит из-под пера талантливых пионеров — идеологов русского марксизма.

Перебравшись, после различных приключений, в Москву, пройдя неприятную школу жизни чиновника акцизного ведомства, где он особенно научился ненавидеть весь проклятый бюрократический строй царского самодержавия, Леонид Петрович задумал организовать тайную типогра-

фию социал-демократов, как для того, чтобы воспроизводить на родине то, что друзья и товарищи печатают за границей, так и для местных нужд. Разрабатывая эту свою мечту, он поселился в одном из укромных переулочков возле Девичьего поля. В глухом, малолюдном дворе, в отдельном флигеле, во втором этаже над сводами была снята маленькая квартирка в две комнаты с кухней и передней. Квартира имела галлерейку, запиравшуюся внизу, окно которой выходило на двор.

Никто не мог впоследствии войти к нему в квартиру, не взглянувши на окно, где всегда отчетливо виднелся условный знак—можно или нельзя итти в квартиру: днем на окне стоял горшок с цветами, а вечером горел огонек.

Лишь только раздавался звонок, он всегда сам, и никто другой, шел отворять дверь. Спокойно, не торопясь, уносил он сначала цветок в комнату и ставил его на одно из дальних окон и потом уж отпирал дверь. Вечером при каждом звонке гушил ночничок и прятал его в особо приготовленное место, сейчас же зажигая спичку. Выдержка у него была удивительная. Провожая своего посетителя, он так же спокойно и величаво, неизменно уничтожал условные знаки и только после этого отворял дверь, всегда напоминая уходящему о крайней осмотрительности на улице: почем знать, может быть, там на дворе уже притаилась полиция и ждет удобного момента, чтобы ворваться к нему?

Так заботился он, чтобы связанная с ним, при посредстве нескольких очень близких ему лиц, молодая московская организация рабочих не могла провалиться из-за какой-нибудь неосторожности. Когда мы встречались с ним в другой раз, он всегда, бывало, тщательно расспросит: «Как плавал?» — то-есть — как вышел от него? Кто был на улице? Видел ли выходящего дворник или нет? Не шел ли кто во время пути сзади? Не стоял ли кто у подъезда, когда вернулся к себе домой? И мы свято хранили его заветы, обучаясь тщательной конспирации.

Кто из нас прошел эту школу, тому, я уверен, не раз вспоминались мудрые, полные самой целесообразной осмотрительности, советы Л. П. Радина в той многосложной конспиративной деятельности, которую нам пришлось вести более чем два десятилетия.

2

В разгар обдумывания устройства нелегальной типографии пришло известие об эдиссоновских мимеографах.

Л. П. Радин задумался.

— Стоит ли возиться с громоздкой типографией, когда американцы придумали такую легкую и удобную вещь?—говорил он нам, посвященным в его дело.

— Надо устроить мимеограф и добиться простого, кустарного его изготовления...

— Легко сказать, да как сделать?...

В это время на Кузнецком мосту в магазине Блока появились первые мимеографы. Этот магазин явился единственным представителем Эдиссона на всю Россию, так же как он представительствовал по продаже велосипедов, пишущих машин и тому подобных вещей.

Леонид Петрович стал появляться на Кузнецком мосту. Он медленно прохаживался в толпе гуляющих, останавливался перед магазинами и, вмешиваясь в толпу, больше чем перед каким-либо другим, стоял перед окном магазина Блока, где красовался прекрасно отделанный, стройный, как игрушка, мимеограф Эдиссона. Достаточно изучив его наружный вид и взяв в магазине печатные объявления о мимеографах, где подробно рассказывалось, как нужно его употреблять, Леонид Петрович весь погрузился в чертежи и стал мастерить по рисункам модель его.

Но в чем же тайна этого простого на вид приспособления? О, тайн там было много! Прежде всего, краска какого-то особого состава. Потом парафиновая бумага, на которой пишут то, что хотят печатать, и которая является как бы формой, через которую должны отпечататься буквы. Наконец, все внутреннее устройство механизма: мелко насеченная, как напильник, плоскость в аршин длины и три четверти ширины, какие-то сетки, валики и пр. и пр.

Однажды Леонид Петрович посвятил нас в свой новый план. Прежде всего необходимо было соответственно оборудовать его квартиру. Ему предстояло произвести много химических опытов. Производить их открыто было невозможно. Надо было все необыкновенное всегда тщательно прятать, так как почти каждый день, для рассеяния могущих возникнуть подозрений, к Леониду Петровичу приглашался дворник, приносивший ему дрова и воду и выносивший помои и мусор. Его нарочно зачем-либо проводили то в ту, то в другую комнату. Кое-кого из нас дворник не мог не приметить, и ему как-то случайно сообщили, что Леонид Петрович дает нам уроки, а мы готовимся к экзамену, кто на вольноопределяющегося, кто на учителя.

В кухне у Леонида Петровича была громадная русская печь, выходившая изразцами в соседнюю комнату. Вот мы и решили превратить всю заднюю часть печки в хранилище лаборатории. Для этого тщательно были вынуты два изразца, которые прекрасно вставлялись на свои места; за изразцами было выдолблено довольно значительное пространство в самом теле печки, а кирпичи и мусор вынесены нами в карманах. Впоследствии в это тайное хранилище ставили все, что было нужно для исследования, все аппараты, краски, парафин и пр.

3

Когда хранилище было готово, на окна, выходившие на пустырь, за которым виднелась Москва-река, были приспособлены черные, совершенно непроницаемые занавески, которые искусно спускались вечером, как только зажигался в комнате огонь.

Когда вся эта подготовительная часть была окончательно приспособлена, сейчас же была направлена целая экспедиция в магазин Блока на Кузнецкий мост. Четыре человека, одетые в костюмы велосипедистов, явились в магазин вместе с приодевшимся Леонидом Петровичем, который изображал дядюшку этих молодых людей. И начался торг и смотр различных велосипедов. Молодой хозяин, кажется, сын Блока, был совершенно увлечен и очарован покупателями, торговавшими сразу пять велосипедов, и между покупателями и продавцами установились самые дружеские отношения. Наконец, столковались окончательно в цене, за велосипедами условились зайти завтра и стали тут же интересоваться диковинками магазина. Рассматривали пишущие машины, сговаривались обязательно купить и, наконец, дошли до мимеографа.

— Это что за штука?

— Ну, и магазин же у вас! Все есть...

— Право, пожалуй, другого такого магазина во всей России не найдешь...

Польщенный молодой хозяин только и твердил, что их фирма—единственная представительница такого-то и такого-то изобретателя или общества.

— Мимеографы, единственные в России, можем продавать только мы, — у нас полная монополия...

— Подумаешь, кому они нужны... Кто их будет покупать? Так, какая-то детская игрушка, — бросил кто-то из присутствующих.

— Как детская игрушка? Что вы? Да ведь на нем можно производить до десяти тысяч оттисков. Да все конторы, присутственные места расхватают его. Мало ли приходится писать циркулярных писем и притом секретных, которые не хочется отдавать печатать в типографию — разные отчеты пайщикам, например, и прочее...

— Что вы говорите, да это невозможно! Просто верить не хочется... Да как же это делается? Покажите нам пожалуйста! Да ведь это чудо!.. Право, чудо какое-то...— забросали его восклицаниями восхищенные молодые люди.

— Смотрите, смотрите!

И молодой хозяин совал посетителям великолепно, четко отпечатанные английские тексты.

— А ведь это двухтысячный оттиск, а это трех, четырехтысячный...

Чувствуя себя победителем, молодой Блок сделал распоряжение показать технику печати. Мимеограф расставили на столе, разложили его

по частям. Принесена была краска, парафиновая бумага и все прочее.

При помощи опытного конструктора молодой Блок стал читать лекцию о мимеографе. Леонид Петрович весь превратился в слух и зрение. Он все тщательно осматривал и запоминал.

Спутники его, толпясь около мимеографа, исполняли каждый возложенные на него обязанности: один незаметно отковырнул в ловко приспособленную пробирку мимеографической краски, другой взял кусочек чистой парафиновой бумаги, и даже посчастливилось подобрать кусок этой же бумаги, бывшей в работе. Молодой Блок подарил каждому по свежему оттиску циркуляра. Сам Леонид Петрович незаметно снял нужные ему размеры скрытых внутренних частей механизма.

Наконец все было окончено. Молодого Блока поблагодарили за все, обещали ему рекомендовать повсюду мимеографы, не спеша вышли из магазина и сейчас же смешались и рассеялись в толпе. Совершенно разными дорогами исчезли с Кузнецкого моста, неся с собой все то, что каждому досталось, храня, как зеницу ока, и оберегая каждый обрывок. Через два дня все было передано в лабораторию Леонида Петровича.

Началась до-нельзя кропотливая работа. Пришлось доставать для опытов самые разнообразные типографские краски, типографскую массу для отливки валика, которая заменена была после резиной; скуплены были все сорта хоть сколько-

нибудь подходящей к парафиновой бумаге, а в ней-то и был почти весь секрет этого дела. Тщательно были вычерчены и построены модели отдельных частей и наконец найдены укромные и вместе с тем хорошо оборудованные слесарни, где по отдельности были заказаны различные части мимеографа.

Но где достать почти аршинные стальные доски с мелкой, как самый мелкий напильник, насечкой?

Нигде не оказалось таких досок. После долгих исканий решили заменить их самой мелкой медной сеткой, употребляемой для мельчайших сит. Гладкую, отполированную нижнюю поверхность станка заменили толстым зеркальным стеклом, вделанным в деревянную раму, которое на ночь вешалось, для конспирации, на стенку, как зеркало. А «сито» для той же конспирации могло быть отправляемо на кухню.

Так мало-по-малу восстанавливался эдиссоновский мимеограф, вновь конструированный в России социал-демократами, членами московской организации. Но самое трудное оставалось еще впереди.

Наконец, Леонид Петрович объявил нам, что анализ краски сделан, что он получил такую краску, которая так же нежно просачивается через чуть пробитую от начертания нацарапанных букв парафиновую бумагу, положенную на шероховатую поверхность «сита».

И вот было приступлено к самому трудному делу, сначала повергшему почти в полное отчаяние всех нас. Тончайшую парафиновую бумагу нигде невозможно было купить. Блок ее продавал только тем, кто купил мимеограф, а так как для наших целей ее нужно было очень много, то необходимо было изобрести способ ее домашнего дешевого изготовления. Бумага была не простая, а так называемая японская, тонкого хлопчатого волокна. В России в то время нельзя было достать ни листа ее.

После долгих сношений с заграницей, наши агенты отыскали такую бумагу в Париже. Но как ее получить в массовом количестве, не навлекая подозрений? Узнали, что доктора за границей употребляют ее в качестве перевязочного материала. Отыскали хирургов и не-хирургов, которые согласились, для неизвестной им надобности, выписать на первое время на свое имя как перевязочный материал по нескольку тысяч листов этой бумаги. Доктор С. М. Богословский, имевший постоянные связи с нашим кружком, особенно много помог этому делу, и на его имя мы получали целые стопы тончайшей японской бумаги. Если бы вы знали, какая была радость, когда мы получили по почте первую тысячу листов этой бумаги!

Это был огромный шаг к победе... Через знакомых докторов в разных городах России мы, предвидя большую потребность именно в этой бумаге, стали требовать ее в больших аптекар-

ских магазинах как перевязочный материал. Добились, что ее также затребовали некоторые больницы, и месяца через четыре бумага эта уже появилась в России на аптекарском рынке. Ее нарочно скупали, иногда даже не зная, куда с нею деваться, но тем самым поддерживали спрос, упрочивали ее запасы в магазинах.

Оставался один вопрос: как пропитать бумагу нежным слоем парафина? Задача была нелегкая. Сначала был изобретен крайне сложный, громоздкий и потому трудно применимый аппарат. Но в процессе работы вдруг был найден до смешного простой, легкий, удобный аппарат, стоящий всего три рубля. Он состоял из гладкого жестяного или цинкового листа, согнутого в правильную четверть цилиндра. Поверхность его была немного больше поверхности листа японской бумаги. Наверху, во всю длину этого «четвертьцилиндра», одним краем наглухо прикрепленного к доске (верхняя часть его опиралась на ножки), был приделан цинковый ящичек, продырявленный мелкими дырками по тому боку, который соприкасался с внешней поверхностью четвертьцилиндра. В него клали чистый парафин, который там плавился и равномерно, тончайшим слоем растекался по поверхности металлического четвертьцилиндра, снизу подогреваемого лампой, чтобы парафин не застывал. С наружной стороны к цилиндру прикладывали японскую бумагу, которая быстро промачивалась парафином, крайне легко застывавшим, как

только лист японской бумаги отнимали от поверхности цилиндра. Промоченный лист сейчас же клали на чистую писчую бумагу. Через две минуты все застывало, и японская парафинированная бумага была годна к употреблению. Такой цилиндр со всеми приспособлениями стоил три рубля! А весь мимеограф вместе с краской (ее выдавали по два фунта) стоил тридцать рублей.

Так в тихой квартире Л. П. Радина, в конце 1894 года, этим трудолюбивым исследователем, было сконструировано новое русское изобретение эдиссоновского мимеографа, послужившего верой и правдой пролетарской печати и заменившего на некоторое время печатный станок.

Непосредственное участие в работе по изготовлению этого нового печатного станка, кроме Л. П. Радина, принимали: Николай и Евгений Флеровы, студент Синицын, рабочий, фамилии, которого не помню, и я, Владимир Бонч-Бруевич.

Подсчитав все необходимое время, оказалось, что на изготовление одного мимеографа требовалось один месяц времени.

Первый мимеограф был поставлен в Москве в 1895 году летом в квартире Величкиных в Ольховцах, и на нем отпечатаны: брошюра «Московские стачки» (у К. и С. Поповых, на заводе Бромлей, в Смоленских железнодорожных мастерских и пр.), брошюры Дикштейна, Эрфуртская программа и еще ряд книжек, прокламаций и воззваний. Первым печатником на мимеографе был Ни-

колай Михайлович Величкин—брат Веры Михайловны. Вера Михайловна во время постановки этого первого мимеографа в доме ее матери отсутствовала; она была на Кавказе, куда ее после тюрьмы отправили на поправку врачи. Вернувшись в Москву, она приняла самое деятельное участие в работе своего брата, который главным образом и заведывал в нашем кружке всей техникой этого мимеографического дела.

Громадную сенсацию вызвали эти брошюры и листки, отпечатанные неведомым способом и наводнившие московские рабочие районы.

Второй мимеограф был доставлен нашей группой социал-демократической организации в Саратове. Его отправила багажом пассажирским поездом шестидесятилетняя мать Величкиных—Варвара Михайловна, которая деятельно помогала своим детям во всей их революционной работе. Отвозя этот драгоценный груз в большом ящике, тщательно зашитом рогожей и увязанном веревками, она не вызвала на вокзале ни у кого никакого подозрения, так как ее возраст и внешний облик обыкновенной обывательницы не обратил внимания жандармов и шпионов.

Третий мимеограф был отправлен социал-демократической группе при Технологическом институте в Петербурге.

Когда Л. П. Радин произвел все нужные изменения в конструкции мимеографа и улучшил его

настолько, что новый аппарат вполне отвечал своему назначению, он лично составил тщательное описание устройства мимеографа и всех приспособлений к нему, вычертил все части, все это сам отпечатал в своей квартире и немедленно разослал и передал во все известные тогда кружки и организации конспиративных групп и партий. Мимеографы стали быстро распространяться по России и никто, решительно никто не подозревал, кто их творец [1].

Л. П. Радин после этого занялся писанием популярных естественно-научных и марксистских работ. Он печатался под псевдонимом в журнале Филипова «Научное слово». Тщательно подготовляя целый ряд работ к печати, вечно возился он с рукописями, которые, к сожалению, почти все после обыска попали в охранное отделение.

Популярная книжка по химии «Простое слово о мудрой науке», написанная Л. П. Радиным в 1895 году под псевдонимом «Яков Пасынков», была издана в то время мною редактировавшемся народном издательстве, печатавшем книжки под фирмой «Книгоиздательство П. К. Прянишникова», очень щедрого либерального московского купца, который не жалел денег на народное просвещение. Гонорар, который я вперед выплачивал Л. П. Радину как за эту работу, так и за ряд других, им намеченных, давал ему возможность все-

[1] Очень необходимо отыскать эту замечательную брошюру Л. П. Радина о мимеографе.

цело посвятить себя любимой революционной работе.

Очерки по химии были выпущены в количестве двенадцати тысяч экземпляров и очень быстро разошлись. Книга была написана в разговорной форме учителя с крестьянами, и Леонид Петрович постарался ввести туда возможно больше рассуждений на общественные темы. Это очень не нравилось цензору Соколову, которого издатели прозвали «Малютой Скуратовым», и он все время ворчал: «Вот странная химия,— первый раз такую читаю»—и много не относящегося к химии вычеркнул, но многое удалось отстоять. Эту книжку Радина мы широко пустили в рабочие кружки.

Время от времени и Л. П. Радин стал появляться в пропагандистских кружках, производя на всех неизгладимое впечатление как обоснованностью своих взглядов, так равно своей до чрезвычайности обаятельной, строго этической, убежденно-революционной личностью.

В 1896 году 3 октября он был арестован на своей квартире со многими товарищами по делу. До сих пор крайне загадочен этот провал только что организовавшегося Московского рабочего союза.

Интереснее всего то, что помещение конспиративной лаборатории, несмотря на тщательность обыска, производимого самим обер-сыщиком Зу-

батовым, так и не было открыто на квартире Л. П. Радина.

Л. П. Радин просидел более года в одиночном заключении, неустанно работая над теорией марксизма. По приговору департамента полиции он был сослан на пять лет в уездный городишко Яренск, Вятской губернии, где вскоре заболел тягчайшей формой туберкулеза. Совсем умирающему, после долгих хлопот и мытарств, ему, наконец, разрешили переехать в Крым. Не доехав до места назначения, он на чужих руках умер в Ялте 16 марта 1900 года.

Так погиб в расцвете лет и сил этот скромный, почти никому неизвестный, но талантливый член всероссийской семьи социал-демократов, своей твердостью и преданностью рабочему делу завещавший всем, его знавшим, вечную верность и любовь к делу российского, к делу международного пролетариата.

Я счастлив сказать вам, товарищи, что и вы все хорошо знаете и чтите память нашего незабвенного друга, товарища и учителя Леонида Петровича Радина. Вы всегда, когда чувство радости и сплоченности охватит ваши сердца, поете по всему СССР наши пролетарские песни, победные песни торжества пролетарской правды и социалистической свободы.

Кто из вас не знает, кто не певал нашей любимой песни:

Смело, товарищи, в ногу!
Духом окрепнем в борьбе
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе.

Вышли мы все из народа,
Дети семьи трудовой,
Братский союз и свобода —
Вот наш девиз боевой.

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил.

Время за дело приняться,
В бой поспешим мы скорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?

Все, чем держатся их троны, —
Дело рабочей руки...
Сами набьем мы патроны,
К ружьям привинтим штыки.

Свергнем могучей рукою
Гнет роковой навсегда
И водрузим над землею
Красное знамя труда!

Эта песня написана Леонидом Петровичем Радиным в одиночном заключении в московской Таганской тюрьме. Он же дал мотив к ней, распространившейся прежде всего в тюрьме, потом по этапам, когда товарищи шли в ссылку, а оттуда по всей России.

Уже в ссылке, в одной из деревень, которую он должен был проходить, на ночлеге написал

Леонид Петрович и другую песню—«Лучинушка». Знаете ли вы ее?

Снова я слышу родную «Лучину»...
Сколько в ней горя, страданий и слез!
Видно, свою вековую кручину
Пахарь в нее перенес.
Сидя за прялкой в осеннюю вьюгу,
Пела, быть может, крестьянка в тиши
И поверяла той песне, как другу,
Жгучую скорбь наболевшей души.
Полно! Довольно про горе ты пела...
Прочь этот грустный, унылый напев!
Надо, чтоб песня отвагой гремела,
В сердце будила спасительный гнев.
Зреет в народе могучая сила,
Край наш стоит на широком пути,—
То, что страдалица-мать выносила,
Сын-богатырь не захочет снести.
Мысли живой не задушит в нем голод,
Сил молодых не надломит борьба.
Смело возьмет он тяжелый свой молот
И разобьет им оковы раба...

Умирая и прекрасно сознавая, что не только дни, но почти часы его уже сочтены, он прислал своим друзьям, работавшим в подполье, свое завещание, полное трогательной преданности единому и нераздельному нашему революционному партийному делу:

Смелей, друзья, идем вперед,
Будя в сердцах живое пламя,
И наше дело не умрет,
Не сломят бури наше знамя.

Победы уж недолго ждать!
Проснулась мысль в среде рабочих,
И зреет молодая рать
В немой тиши зловещей ночи.

Она созреет... И тогда,
Стряхнув, как сон, свои оковы,
Под красным знаменем труда
Проснется Русь для жизни новой.

С глубокой верой в скорое пришествие пролетарской революции он смежил свои очи. Его могила до сего времени не отыскана в Крыму,— мы ее отыщем [1]. Его портрет почти неизвестен российскому пролетариату, — мы его найдем и издадим. И я наверное знаю, что придет время, когда российский и в особенности московский пролетариат торжественно почтит память этого своего первоучителя, верного товарища и примерного труженика на поле всероссийской пролетарской революции.

★

[1] Крымский Истпарт должен это сделать и отыскать могилу Л. П. Радина в Ялте.

IV

КАК ПЕЧАТАЛИСЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ И ДОСТАВЛЯЛИСЬ В РОССИЮ ЗАПРЕЩЕННЫЕ ИЗДАНИЯ НАШЕЙ ПАРТИИ

I

«Группа Освобождение труда»

Когда я в 1896 году приехал в Швейцарию, посланный туда московской социал-демократической организацией для налаживания связи с «Группой Освобождение труда», я застал там технику этой первой заграничной ячейки будущей нашей социал-демократической партии в довольно вялом состоянии. В Женеве работала под руководством тов. Блюменфельда типография «Группы Освобождение труда». Типография эта, — собственно, одна наборная,—была недурно оборудована, но продукция ее была мала за неимением средств; транспортное же дело почти отсутствовало. Изредка выходившие брошюры и книжечки распространялись по заграничным книжным магазинам, продавались на русских собраниях и во время рефератов, но в Россию книги отправлялись лишь от случая к случаю. Работы Плеха-

нова, журнал «Социал-демократ» и другие издания «Группы Освобождение труда» встречались за рубежом в эти годы чрезвычайно редко; это были действительно библиографические редкости.

Так как мне было поручено московскими товарищами принять все меры к доставке книг в Россию, то я вскоре наладил сношения с представителем только что зародившихся латышских с.-д. организаций, с которыми имел связь еще в Москве. Товарищ Ролау, представитель социал-демократической организации латышей в Цюрихе, в высшей степени отзывчиво отнесся к намеченному делу, и при помощи товарищей латышей, живших в Германии, нам удалось направить несколько транспортов литературы в Москву, в Петербург, в Саратов и в Нижний-Новгород. Вслед за литературой были отправлены печатные станки. Однако вскоре это налаживающееся дело пришлось прекратить, так как рабочий Кварцев по московскому социал-демократическому процессу 1896 года выдал меня с головой, и охранка и жандармы особенно бдительно стали следить за мной через своих агентов за границей. Пути следования транспортов по России также были пресечены охранной полицией благодаря московским провалам и выдачам.

После этого нашей цюрихской группе литературу в Россию в течение ближайших двух лет пришлось доставлять только время от времени, пользуясь той или иной случайной оказией.

Между прочим, одно время великолепно шли транспорты на Кавказ через женевскую группу армянской организации «Дашнакцутюн». Хотя дашнаки и были крайними националистами и по своей психологии примыкали к народовольческим организациям, но благодаря одному очень просвещенному товарищу из редакции их журнала, гордившемуся своими переводами на армянский язык «Коммунистического манифеста» и других работ Маркса и Энгельса, нам удалось уломать их пересылать нашу литературу в Тифлис. Литература была успешно доставляема по указанным адресам через Константинополь.

Этот дашнакский теоретик, Христофор Микаэлян, и после нередко помогал нам в транспортных делах. Он вообще ближе, чем кто-либо из этих националистических групп, подходил к русским социал-демократическим организациям, охотно знакомясь с нами, брал у нас сведения о выдающихся событиях, совершавшихся в то время в революционной России, и помещал их на армянском языке в редактируемом им журнале. Но к марксизму, который должен был бы, по нашему мнению, освещать путь всякой борьбы, в том числе и борьбы за национальную независимость, борьбы с турецким игом, он относился скептически, как к гурманству. Проповедь самого узкого национализма он считал более революционным делом, чем внедрение в массы марксистских основ действия.

Я как-то зашел к нему в Женеве, — он жил на окраине города, — и застал его в нервно-повышенном состоянии, торопящимся что-то делать.

— Вот, посмотрите,—приветливо сказал он мне,—не угодно ли здесь проповедывать марксизм, когда к нам прибыли представители племен, возмущенных турецким режимом, готовые войти с нами в плотный союз. Что же прикажете делать? Рассказывать им, что «все течет, все изменяется», что фабричного пролетариата еще мало, но его будет больше, что придет время,—после того как вот их, этих забитых людей, всех перережут, — «восстанет мститель суровый» и за них устроит все дела, освободит их?.. Нет, мы так рассуждать не можем...—ответил он сам себе.—Вот мы и пишем воззвания на их наречии. Здесь нет ничего «марксистского», — мы ссылаемся на Коран, мы взываем к чувствам, мы поднимаем среди них восстание.

— Но наверное и турки ссылаются на Коран, когда режут вас и ваших союзников,—еле мог я вставить в его пылкую речь.

— Что ж из того? Наши друзья поймут, что турки делают неправильно...

— А вдруг не поймут и поверят больше туркам, — тем более, что они — одноверы, а ваши — христиане-гяуры...

— Нет, нет, этот скептицизм совершенно неуместен в революционной борьбе... Надо действовать, бить на чувство... Поднимать, восставать...

Только в этом залог победы... Ведь вот, они почти и письменности не имеют,—и он показал мне на нескольких человек, сидевших в соседней комнате на ковре по-турецки.

Они быстро встали, когда он вошел. Статные, смуглые, загорелые; глаза их блестели упорным и решительным огнем. Они были прекрасны в своей первозданной красоте.

— Они обрекли себя на смерть в борьбе с турками, они умрут за дело...

— В смерти не всегда победа, а просто—уничтожение,—сказал я ему.

— Мы все равно восстанем...

— Когда народ восстает, это всегда хорошо, это его право...—ответил я ему.—Но вожди, организаторы должны твердо знать, куда и зачем они идут... Неужели вы думаете, что опрокинете Турцию, что когда-либо будете сильнее ее?.. Войной вы ее не победите...

— Нам один исход — «умереть в борьбе»...

Я видел, что теоретическими разговорами здесь не поможешь... Здесь отчаяние затуманило разум, здесь шла война на истребление, и кто пожнет плоды этой войны—было неизвестно, но только не армянский народ, так безмерно тогда страдавший под турецко-татарским гнетом, когда помещики этих двух народностей и в России и в Турции устраивали систематические разгромы армянских сел и деревень, дабы захватить их земли, стада, сады, все их имущество...

Вероятно, теперь дашнаки поняли, что только марксистский метод, широко применяемый в России и в СССР коммунистами, мог дать прекрасные плоды для счастья, блага и жизни угнетенных народностей.

Но зачем же Микаэлян переводил «Коммунистический манифест»? Зачем он так пристально читал и перечитывал марксистскую русскую литературу и так аккуратно посещал наши открытые собрания и рефераты?

Очевидно, у него была потребность теоретического освещения тяжелой действительности, всей той борьбы, во главе которой он стоял. Но все это нужно было для него самого, а для народа— националистические воззвания, заговоры, перманентные, без плана и цели, восстания, убийства, нападения, взрывы, интриги, заигрывания с буржуазными правительствами, Коран, Библия и прочий старый хлам, так уже поистрепанный к тому времени историей. Не какие-нибудь теории, а сама жизнь должна была доказать армянским революционерам-националистам всю нецелесообразность их методов борьбы за освобождение своего народа.

И жизнью доказано это. Марксизм, вопреки мнению Микаэляна, оказался вполне применимым к армянской проблеме, так же как и к разрешению вопроса об угнетении всех народов, как бы они малы, отсталы и некультурны ни были.

2

«Рабочее дело» и первый раскол в социал-демократии

В эти годы за границей возникла группа «Рабочее дело», которая сначала охотно стала перевозить литературу «Группы Освобождение труда», предоставив ей право издавать и печатать в ее типографии все, что захочет редакторская тройка группы (Плеханов, Аксельрод, Засулич). Вскоре также появились: заграничная организация Бунда, организация литовцев, организация латышей, и дело заграничной печати сильно оживилось, а вместе с ним и транспортировка социал-демократической литературы в Россию.

Работали с энтузиазмом, самоотверженно, но... но вскоре начались глубочайшие принципиальные разногласия между «Группой Освобождение труда» и «Рабочее дело», и эти разногласия тотчас же отразились на организационных отношениях. Ортодоксальные марксисты опять остались в небольшом числе и вновь должны были забыть о «союзе» и начать работать самостоятельно. Типография «Группы Освобождение труда» возобновила работу и выпустила в свет знаменитый памфлет Г. В. Плеханова «Vademecum» для группы «Рабочее дело», сразу размежевавший всех русских социал-демократов на две половины.

К этому времени группы содействия «Группе Освобождение труда» повсюду умножились и укрепились. Несмотря на бешенство рабочедель-

цев, во главе которых стояли Акимов (Махновец), Тихвинский (ныне расстрелянный за белогвардейщину), сионисты Сыркин и Райнес (впоследствии примкнувшие к Бунду), бундисты Давидсон, Кацеленсон и Капельсон, давно уже умерший Иваншин, несмотря на прямой бойкот со стороны этих политических истериков всех без исключения работников организаций при «Группе Освобождение труда», — все-таки удалось литературу группы умножить и распространить.

Так шла борьба и пропаганда ортодоксального марксизма до появления за границей организации «Искра».

3

«Искра»

Таинственно вышел первый номер этой первой политической социал-демократической газеты. Мне пришлось узнать от Г. В. Плеханова о начале работ этой организации и помочь ему достать настоящий русский паспорт, по которому он поехал в Мюнхен. Я тогда только что вернулся из Канады, куда отвозил один из транспортов изгнанных царским правительством из России духоборцев. Ко мне в Женеву приехал мой хороший приятель А. Н. Коншин, с которым мы работали вместе в Канаде, и я попросил у него паспорт недели на три для нелегальной поездки в Германию.

Плеханов познакомился с Коншиным у меня и неутомимо расспрашивал его о всех подробностях организации знаменитых коншинских текстильных фабрик в Серпухове, устроенных его отцом, интересовался биографическими сведениями об его отце и пр. и т. п. Вот по паспорту этого своего нового знакомого, без ведома последнего, он и поехал в Мюнхен на совещание редакции «Зари» и «Искры». Через две недели он вернулся буквально в восхищении от начавшегося нового дела.

Вскоре мы получили газету, сделали А. Н. Коншину большой чемодан с двойным дном, начинили его «Искрой» и литературой «Группы Освобождение труда» и отправили в Москву. Конечно и сам Коншин был нагружен в достаточной степени литературой. Этот неожиданный транспорт был чуть ли не первым, доставившим в Россию первый номер «Искры».

За границей «Искру» сначала распространяли мало из чисто конспиративных соображений, и отдельные номера ее ходили по рукам столь же таинственно и редко, как нелегальные издания в России. Но мало-по-малу ее распространение и за границей стало расти, увеличиваться. К этому вынуждали и экономические причины, ибо нужны были средства, а так как русские колонии к этому времени очень увеличились, то и продажа номеров газеты шла бойко, давая известный доход кассе издательства.

4

Распространение социал-демократической литературы через случайных сочувствующих

Мы пользовались в это время всякими случаями, лишь бы хоть что-нибудь переправить в Россию из нелегальщины. Знакомясь в русских колониях, в университетах, на лекциях, в пансионах с случайно приехавшими русскими, мы, при первой возможности, каждого снабжали литературой. На это особенно была отзывчива молодежь, и нередко нарядные маменьки с чопорными папеньками даже не подозревали, что везут в своих прекрасных чемоданах и кожаных английских сундуках целые пласты нелегальщины, залсженные в стенках, на дне, в вещах, в белье. Были случаи, когда мы подшивали, при благосклонном участии детей, в костюмы отцов и матерей литературу, и она таким образом приезжала в Россию и распространялась во всех слоях тогдашнего общества.

Бывало и много курьезов. Одно такое благочестивое семейство из Тифлиса, начиненное литературой, разделившись на две группы, отправилось в Россию. Дети,—гимназист и гимназистка,—выехали раньше, спеша к началу осенней учебы. Сановная мамаша с дядюшками и тетушками решила остановиться в Вене для покупок всякого бабьего тряпья. Мы предусмотрительно начинили литературой «родителей», решительно ничего не

знавших, что весь их багаж переполнен литературой. «Детей» просили ничего не брать, но гимназист не утерпел и зашил себе на спину под блузу несколько брошюр. Пока он ехал, края этих брошюр под блузой обсалились и стали ясно обозначаться, но все это он узнал, к сожалению, слишком поздно. В Подволочиске «дети» благополучно перевалили границу, и восхищенный юноша, тая в себе гордое сознание, что он привез нечто нелегальное, от радости снял гимназическое пальто и побежал налегке в буфет купить пирожков. Когда он возвращался назад к вагону, его остановил кто-то из штатских и пригласил следовать за собой. Это был шпион его величества.

— Что это у вас на спине?—спросили у юноши.

— Ничего.

— Как ничего?—и некто грубо стал ощупывать его там, где были книжки.

— Обыскать...

— Раздевайтесь...

Нашли под блузой бережно зашитые лоскутком две книжечки.

— Кто вам это сделал?

— Сестра...

Притащили сестру, вещи... Учинили обыск. Ребята перепугались и ударились в слезы.

У сестры нашли неотправленное к подруге письмо, где она с восторгом писала, что познакомилась в Женеве с «политическими преступниками», что они очень интересны, ужасно много го-

ворят и охотно гуляют. Письмо было настолько наивно, что, как она сама рассказала мне об этом года через три, когда приехала с братом в Женеву уже по революционным делам, жандармы и шпики навзрыд хохотали от описаний «очень даже интересной жизни» в Женеве.

— Что нам с ними делать? — переговаривались эти пограничные стражи между собой; однако, составили протокол и задержали.

Гимназисты были в полном отчаянии.

Из расспросов жандармы выяснили, что почтенные родители этих юнцов находятся сейчас в Вене, и гимназистам было предложено дать телеграмму на тот отель, где они должны были остановиться. Те, совершенно забыв, что маменька, тетушки и дяденьки, при их же содействии, были начинены нелегальщиной, тотчас же согласились и дали телеграмму. Перепуганные родители и родственники быстро приехали. Узнав, в чем дело, горько сетовали на своих деток, так скомпрометировавших их, принесли извинения жандармскому полковнику, представили ему верительные грамоты и рекомендации от тифлисского губернатора, прочли тысячи публичных нотаций сынку и дочке и взяли с них честное слово, что они «эту гадость» никогда читать не будут. Жандармы благосклонно отпустили гимназистов на поруки и разрешили им следовать дальше.

— Только садясь в вагон, я вдруг вспомнила,—рассказывала мне после эта юная «преступ-

ница», — что весь багаж моих родителей и родственников полон нелегальщины. Я взглянула на брата и почувствовала, что и он вспомнил. Мне чуть не сделалось дурно. Я полагала, что нас сейчас же всех вновь арестуют, но поезд тронулся, и никто за нами не пришел. Всю дорогу мы не имели покоя, и нам казалось, что путь бесконечен. Но вот мы в Тифлисе; мы улучили время и распаковали литературу. Ее получились целые груды. Мы быстро стали распространять ее через знакомых, инстинктивно чувствуя, что все это надо сделать как можно скорей. Неожиданное появление значительного количества самой разнообразной нелегальщины произвело в городе сенсацию. Мы чувствовали себя героями, несмотря на то, что наши родители сделали из приключения на границе забавный анекдот для своих разговоров с гостями. Они, бедные, и не подозревали, что именно они-то и привезли всю эту литературу... На нас с братом вся эта история так повлияла, что мы задумались, стали много читать, образовали кружки в гимназии. Так дело пошло дальше, и вот теперь... мы в социал-демократической организации.

Одно время представилась возможность переправлять литературу с офицером болгарской армии, теперешним нашим товарищем Куртевым. Он был командирован в Женеву учиться, где был нами распропагандирован. Пользуясь офицерским

мундиром, сильно рискуя, несколько раз перевозил он в Россию большое количество нашей литературы в чемодане, закрывая ее своими мундирами и показывая официальную командировку в Россию для службы в армии. Литературу он исправно доставлял по нашим адресам.

Таким образом, пользуясь решительно каждым случаем, мы проталкивали нелегальные издания в Россию. Конечно, этого было мало для огромной нашей страны. Конечно, литература не всегда попадала в наиболее для нас желательную среду, то есть, к рабочим, но в то время крайнего политического гнета мы считали полезным проникновение каждого экземпляра нелегальщины во все слои общества. Нам не однажды впрочем, удавалось убедиться, что литература, посланная в Россию с лицами, даже далеко стоявшими от рабочего класса, в конце концов оседала, в большей своей части, именно среди рабочих, попадая к ним через социал-демократические организации, ибо наши товарищи, жившие в России, не дремали и вылавливали все, что только им было нужно для их многотрудной работы. Иногда удавалось сообщить в организацию адреса тех, кто повез литературу, и с ними специально знакомились или находили связи и получали от них привезенное. Иногда едущие брали на себя обязательство доставить литературу по адресу и вполне честно эти обязательства выполняли.

Распространение нашей литературы через «Бунд», ППС, курорты и книжные магазины.

В это время за границей хорошо работала по транспортировке литературы организация еврейских рабочих «Бунд», — особенно через свой знаменитый союз щетинщиков. Но Бунд крайне отрицательно относился к «Искре» и к некоторым изданиям «Группы Освобождение труда» и конечно не перевозил их в Россию, выбирая лишь то, чему он сочувствовал. В конце XIX века кое-какую нашу литературу провозила в Россию Польская партия социалистов (ППС), но постепенно отношения с ней становились все натянутей и наконец совсем оборвались.

Довольно значительного распространения нашей литературы, а также нелегальных изданий других приемлемых политических групп, мы, как в это время, так и после достигали тем, что наши группы содействия отыскивали товарищей, живущих на различных курортах Швейцарии, Германии, Франции, которым присылались каталоги, а они должны были распространять их среди приезжих русских. Легче всего это было делать там, где в особых курортных газетах печатались списки лиц, остановившихся в пансионах, гостиницах, отелях; в этих списках всегда указывалось, из какой страны прибыл вновь приехавший. Ему сейчас же почтой посылались каталоги. Россияне, нередко даже не знавшие о существовании

такой газеты, бывали крайне изумлены осведомленностью революционеров: только они приехали, а уж об этом «им» известно, и сейчас же — пожалуйте каталог! Но нелегальные издания были популярны сами по себе, в силу того, что они печатались без цензуры, на вольном печатном станке за границей, а потому всем хотелось приобрести и узнать новости... о России. И курортники тянулись к киоскам, к книжным магазинам и спрашивали книги. Чуткие к покупателю заграничные книгопродавцы тотчас же запрашивали русские организации согласно адресам, указанным в каталогах.

Некоторые издания расходились за границей в очень большом количестве. Кажется, рекорд был побит нелегальным полным изданием романа *Л. Н. Толстого* «Воскресение», которое только в изданиях «Свободного слова» (Англия) разошлось в течение года в количестве тридцати пяти тысяч экземпляров. Издание этого романа в России было страшно искалечено царской цензурой, которая его исказила в 478 местах.

6

Транспорт «Искры»

Обстоятельства транспортного дела в первый период существования «Искры» мне мало известны, но я помню, что Владимир Ильич крайне осторожно и скептически относился всегда к многочисленным проектам транспортировки нелегаль-

ной литературы в Россию ,отрицая все, где встречался хоть самый малый элемент фантастики. Когда «нас» угощали проектами перевозки литературы в днищах селедочных бочек, в трубах машин, в обмотках проволоки и пр., он неоднажды говаривал, что «мы» имеем значительный опыт в этом деле и что всегда эта ерундистика кончается полным крахом. «Чем проще, тем лучше», — формулировал он свое отношение к тысячам проектов разрешения этого больного вопроса наших организаций.

7

Социал-демократическая организация «Жизнь» и ее транспорт

В 1902 году мне пришлось принять участие в организации заграничного социал-демократического журнала «Жизнь» и издании целого ряда книг, брошюр, листков, выпускаемых этой значительной и хорошо налаженной организацией. «Жизнь» организовала в Париже хорошо оборудованную типографию, в которой разом могло набирать до пятнадцати человек наборщиков. Из Парижа нам пришлось вскоре уехать, так как французская политическая полиция стала очень сильно нас беспокоить.

Мы переселились в Лондон. Конечно, одновременно с организацией редакции и техники, мы стали тотчас же заботиться об организации транспорта литературы в Россию. Решили во что бы то ни стало поставить его хорошо. Во главе нашей

транспортной группы стал удивительный транспортер, равного которому я не знаю в хронике всей русской нелегальной работы, член социал-демократической латышской организации, наш товарищ по социал-демократической организации «Жизнь», —товарищ Весман. Где он теперь, и что с ним—я не знаю, ибо не имею о нем никаких вестей почти двадцать лет, но тогда можно было только изумляться и любоваться его работой, его совершенно исключительным организаторским талантом, всегда опиравшимся на строжайшую, драконовскую дисциплину транспортной группы, во главе которой он стоял.

На первом же заседании транспортной группы мы прежде всего решили перевозить в Россию не только журнал «Жизнь» и другие издания нашей организации, но и все те издания, которые мы найдем нужным распространять в России,—«Искру» и ее издания в первую голову. На этом же заседании, состоявшемся в Париже, я и покойный Д. А. Хилков, в то время входивший в социал-демократическую организацию «Жизнь» (после он увлекся социал-революционерами, а закончил православием),—предложили впервые воспользоваться организацией сектантов, живших за границей, а в частности — в Румынии и Болгарии. Мы отлично знали из постоянного письменного и устного общения с ними о том огромном сочувствии, которое они проявляли в то время к делу революционной борьбы вообще и к делу распро-

странения зарубежной нелегальной печати — в частности.

Предложение наше было принято, и тов. Весман, — сам крестьянин по происхождению, — чутко отнесся к нему, сказав, что он тотчас же сам выедет на обследование и местности и людей, и что, по его мнению, открывается новый путь в этом крайне ответственном деле. Здесь за транспорт возьмутся не профессионалы-контрабандисты, которым совершенно безразлично, что́ перевозить, лишь бы больше платили, часто относящиеся крайне нечестно к взятым на себя обязательствам, — а люди вполне честные, преданные, работающие не из меркантильных побуждений, а преследующие цели борьбы за политическую свободу России. Можно наперед сказать, — говорил он, — что если они действительно согласятся, это будет прекрасно. Тут же всеми было отмечено и подчеркнуто, что таким путем будет создаваться весьма ответственная организация, которую будут строить сами крестьяне, идейно пострадавшие от преследований царского правительства России.

Кроме того, решено было воспользоваться уже существовавшей организацией социал-демократической партии латышей, войдя по этому поводу в переговоры с их ЦК, а также наладить новый транспорт морским путем, создав организацию среди русских и латышских матросов портов Болгарии, Германии, Швеции, Норвегии и особенно Англии.

Одному из товарищей было поручено организовать склады нелегальной литературы в различных пунктах Европы, приблизив литературу к местам ее непосредственного направления в Россию, к транспортерам, приняв все меры предосторожности, дабы не привлечь к месту сосредоточения нелегальной литературы внимания русских шпионов, а в некоторых странах и местной политической полиции (например, в Пруссии, в Румынии, в Болгарии, где существовал несомненный контакт между шпионами русскими и доморощенными). Так как предполагалось отправлять литературу значительными партиями, и приходилось нередко пользоваться захолустными местами данной страны — местечком, маленьким городком, хутором где-нибудь поблизости от русской границы, — то само собой понятно, что такое сосредоточение литературы представлялось делом нелегким. В этих местах не только появление большого количества почтовых посылок, получаемых из разных стран одним лицом, но даже нередко появление нового лица иностранного вида сразу возбуждало любопытство местных жителей, порождало толки и привлекало внимание шпионов. То же самое получалось и с посылкой тюков по железной дороге, да и не все нужные нам места стояли на железной дороге. Кроме того, мы отлично отдавали себе отчет, что за типографией, редакцией и экспедицией социал-демократической организации «Жизнь», помещавшейся в

части Лондона, где русских жило очень мало (London, J. E. 35, Blythe Valle, Catford), русские шпионы также начнут усиленно наблюдать и проследить все наши отправки на почту и на железную дорогу.

Самое легкое, конечно, было организовать склады литературы в больших городах, — в различных частях Лондона, Парижа, Берлина, Вены, Будапешта, впоследствии в Стокгольме и в Христиании, а также в Женеве, в Цюрихе, в Берне, в Лозанне. Здесь мы везде встречали сочувствие местных социалистов, нередко получая рекомендации политической организации одной страны в другую, а также пользуясь обширными связями среди рабочей экономической эмиграции из России.

Пока мы занимались точным обследованием различных складочных пунктов и налаживанием местных связей как через наших агентов, так и письменно, тов. Весман двинулся в Румынию на обследование новых путей через сектантскую организацию. Ему пришлось обследовать местность около Констанцы, по Дунаю и прилегающим хуторам и местечкам. Вернувшись оттуда, он, всегда сдержанный, даже хмурый, молчаливый,—с большим воодушевлением и волнением подробно рассказал нам, сколь хорошо он был принят сектантами-штундистами, скопцами и молоканами, а также старообрядцами-некрасовцами, давно выселившимися из России под давлением невероятного гнета и преследований со стороны царского

правительства [1]. Я и Хилков заранее написали сектантам, что к ним от нас едет «дорогой гость» с нашими письмами, которому надо всеми мерами помочь и оказать всяческое доверие и содействие. Тов. Весман был встречен как близкий друг. Он подробно рассказывал, как эти русские изгнанники крестьяне показывали ему свои хозяйства и были в восторге, когда он часами осматривал с ними коров, лошадей, ходя по хлевам, домашним постройкам, овинам и клетям.

Сектанты потащили его на свадьбу, ездили с ним по друзьям, и он таким образом быстро вошел в быт и семейный обиход этих гостеприимных людей. Вскоре он познакомил главарей с целью своего приезда, объяснив им, что надо переправлять в Россию как можно больше литературы, и тут же показал им кое-что из привезенных книг. Они набросились на них с жадностью, просили дать почитать, и на другой день только и было разговора, что об этих «книжечках». Сектанты заявили Весману, что они охотно берут на себя дело переправы литературы на ту сторону границы, а когда Весман поинтересовался узнать, где и как это будет, они тотчас же предложили ему «съездить в Россию». Переправа шла в большинстве случаев через Дунай на рыбацких лодках. Рыбаки знали все, самые потайные ходы по

---

[1] В настоящее время они вернулись на родину в СССР, где вполне хорошо устроились.

протокам, камышам и загонам и ездили на ту сторону, как к себе домой.

Весман был в восторге от всего виденного и заявил нам по приезде, что первый раз контрабандисты будут перевозить литературу не за деньги, — не за страх, а за совесть. Надо было найти подходящего человека из нашей среды, который встречал бы литературу по ту сторону границы, в России, при чем этот человек должен был только находиться в общении с этими простыми русскими людьми, рискованный труд которых мы оплачивали очень умеренно. Наш выбор пал на товарища Ив. Ив. Сергеева, еще ранее в Женеве входившего в мой пропагандистский кружок. Он по происхождению был крестьянин, молоканин, был исключен из Учительского института в Тифлисе за какую-то студенческую историю и, оппозиционно настроенный, приехал в Женеву учиться. Здесь он стал социал-демократом. Мы отправили его нелегальным, как наиболее подходящим для общения с сектантами, и создали целую организацию в России по приемке и развозке литературы.

В первый наш транспорт через сектантов прошло до сорока восьми пудов различной нелегальной литературы, очень благополучно перевезенной по России в центральные склады; оттуда литература была распространена всюду. Я после встречал за границей и в России многих левых литераторов, крайне изумлявшихся, что они из-

дания «Жизни» и самый журнал исправно получали по почте бандеролями из самых различных местностей России: это действовали наши «конторы». Л. Н. Толстому журнал был доставлен в Крым на дом (кажется, он жил тогда в Гаспре) под расписку с нарочным, и эта расписка была переслана нам в редакцию в Лондон.

Так прошло несколько транспортов великолепно. Как-то по одной из лодок часовые с русской стороны открыли огонь и бросились в погоню тогда, когда она благополучно выгрузилась в весьма укромном месте. Ловкие рыбаки, чтобы отвлечь внимание стражи от места выгрузки, притворились страшно перепуганными, стали удирать и на глазах у стражи выкинули в воду два ящика, каждый пуда по два весом. Они очень были удручены этой неожиданной потерей и долго извинялись, подробно объясняя, что иначе пропал бы весь склад [1].

Были и другие случаи, ясно показавшие изумительную выдержку контрабандистов-рыбаков и находчивость ответственных лиц—сектантов, переправлявших литературу через Дунай. Когда однажды неожиданный разъезд на русской границе обнаружил в камышах лодку и поднял тревогу, было сделано несколько выстрелов, и ясно

[1] Впоследствии один из этих ящиков был выкинут волнами на румынской стороне, попал в руки жандармов и взбудоражил румынские власти, не знавших, что и думать о находке. Предполагали, что ящик упал с парохода, но рыбаков никто не заподозрил.

стало, что уйти нельзя, — рыбаки быстро выплыли на открытое место, опустили тюки в воду по борту на заранее приготовленных веревках и недоуменно спросили у русской стражи, крикнув:

— В чем дело?

Раздался вопрос:

— Что везете?

— Пустые, — ответили рыбаки. — Ловим рыбу.

— Куда же вас чорт занес?

— Отнесло, и не заметили... —и рыбаки стали демонстративно вытаскивать наскоро опущенные сети...

— То-то, отнесло... Проваливай отсюда... Стрелять будем...

Рыбаки на глазах успокоившегося патруля отчалили к другому берегу с драгоценным, хотя и подмоченным грузом, чтобы взять новые тюки и вновь упорно искать счастья в этом же, теперь самом безопасном месте.

Приемщики с русской стороны отсиживались во тьме ближайших кустов, терпеливо ожидая условного крика совы, оповещавшего, что лодка у берега и надо принимать товар...

Централизованная власть, веления которой исполнялись беспрекословно, самая жесткая дисциплина революционного труда, постоянная разведка действий противника, упорная настойчивость, находчивость и хладнокровие, — вот те спутники, которые всегда обусловливают успех в подобного рода работе.

Я расскажу здесь один очень характерный случай. Нам удалось благополучно переправить около шестидесяти пудов различной литературы через Дунай, перенести ее от русской границы к ближайшему складу, разбить на две партии, одну доставить в ближайший городок, другую — в местечко и приготовить дальнейшие транспортные средства. Оставалось только дать знать — условными телеграммами, — чтобы наша группа нелегальных двинулась разными дорогами к намеченным пунктам и различными способами сразу вывезла бы в разные стороны этот значительный транспорт. Наконец, сигнал был дан, телеграммы посланы, и наши сдатчики литературы с трепетом ожидали приезда товарищей. И вот, когда они все уже приближались к цели, Весман, зорко следивший за этой операцией из одного из наших ближайших центров, получил экстренную депешу в условных шифрованных выражениях, что на пути следования литературы неожиданно провалилась одна из наших конспиративных квартир и что жандармы усиленно искали книг. Весман, учтя все обстоятельства, дал немедленно телеграмму тов. Сергееву, — находившемуся в пункте, через который должна была проследовать вся группа и получить дальнейшие явки, — с распоряжением приостановить всю операцию и отослать ехавших «домой». Сергеева он вызвал немедленно в Лондон. Отдав все распоряжения, Сергеев должен был, согласно телеграмме, без вещей и бумаг, нелегаль-

но переправиться через границу. Я был в это время в Лондоне, и суровый, строгий, но крайне заботливый о товарищах Весман прислал мне телеграмму о том, что нужно встретить «друга», предоставить ему комнату для хорошего, спокойного отдыха.

Я под вечер возвращался из нашей типографии домой и пересекал улицу, ведущую с вокзала, когда крупными шагами, сгорбившись, промелькнул передо мною, в ярости и озабоченности своей не заметивший меня, тов. И. И. Сергеев, забывший наш общий завет: на улицах иностранного города держаться так, чтобы не выделяться из толпы.

Я узнал его скорей по возбужденному виду, чем в лицо, ускорил шаги и окликнул его.

Когда он обернулся и узнал меня, он пулей подлетел ко мне и почти завопил:

— Это чорт знает что такое, я не могу больше. Это издевательство, генеральство. Я протестую...

Он все более и более накаливался, подходя к нашей квартире, и желал очевидно устроить нам «скандал» за неправильный образ действий, за деспотизм, бюрократизм, попрание свободы личности, уничтожение инициативы революционера, жестокость, упрямство и все прочие грехи, ясно нашедшие себе приют и сатанинское сосредоточение в невозмутимой фигуре тов. Весмана.

Я взял его под-руку и мягко спросил его о том, как понравились ему чудесные виды из ок-

на вагона, когда он ехал по Англии, и не болел ли он морской болезнью? И в это время сильно надавил его руку выше локтя, давая знать, что здесь, в разношерстной толпе идущих с поезда людей, конечно, есть и русские шпионы, которым важно знать каждое слово, оброненное нами. Я свернул с ним за угол; мы постояли около какого-то магазина минут пять, пропустив публику, шедшую сзади нас, потом двинулись дальше и круто свернули в совершенно пустынный переулок, уводивший нас от квартиры. Пройдя два-три квартала, мы с другой стороны подошли к дверям нашего дома.

Представлявший из себя бомбу, которая должна вот-вот разорваться, преданнейший наш друг, подойдя к нашему обиталищу, уже немного поостыл. Когда же мы условленным образом трехкратно постучали в английский коттедж и нам открыла двери недавно приехавшая из России, потерявшая в тюрьме ребенка, Вера Михайловна Величкина (Бонч-Бруевич), Иван Иванович совершенно оттаял и порывисто бросился к Вере Михайловне с вопросами,—когда она освободилась из тюрьмы, как ее здоровье, да как доехала, да как себя теперь чувствует?

— Ах ты, голубушка наша,—причитал он по-крестьянски, переходя неожиданно на «ты»,—замучили они тебя...

Время от времени он вспоминал свое собственное горе и вскипал, но кроткий и многозна-

чительный взгляд Веры Михайловны успокаивал его; когда наконец все пришло в норму и мы принялись за расспросы, он дал волю своему чувству и вдруг почти со слезами захныкал:

— Пропала вся наша литература... Что скажут мне мои рыбаки и сектанты?

И он назвал несколько фамилий, которые я не упоминаю здесь умышленно, так как некоторые из них и до сего времени живут еще в Румынии. Как бы негодяйствующие бояре этой утнетенной страны не возымели желания отомстить им теперь за дела, которые столь ревностно совершали они более двадцати пяти лет тому назад?

Я решил положить конец этой нелепой трепке нервов и твердо заявил, что распоряжения Весмана вели к самой лучшей цели, в чем вскоре убедится сам наш дорогой друг и товарищ.

Мы не знали, когда увидим Весмана, но для меня было ясно, что это случится скоро, ибо раз он вызвал одного из своих главных помощников в Лондон, то и сам будет здесь. И действительно, вечером, когда было уже совсем темно, раздался вновь троекратный стук. Когда я поспешил к двери, то услышал условный пароль, который мы, грешные, не всегда соблюдали и без ответа на который Весман никогда бы не вошел в конспиративную квартиру ни в России, ни за границей. Поспешно ответив, я отворил дверь. Это был Весман. Он был одет скромным европейцем, напоминая по виду клерка; на нем было чистенькое

пальто, из-под воротника которого сверкал белизной воротничок; в руках были изящно свернутый зонтик и маленький саквояж, без которого ни один порядочный англичанин не сделает шагу по железной дороге.

Он вошел, как всегда, спокойный, улыбающийся, поздоровался со всеми и, увидев Сергеева, также мило пожал ему руки, как будто тот жил в Лондоне все время, и он, Весман, очень рад побыть у него в гостях. Он тотчас достал плитку шоколада и угостил всех, а Сергееву, который стоял козерогом, смотрел на него исподлобья и сопел, словно собираясь вступить в бой,— точь-в-точь как закавказские буйволы, когда они ни за что не хотят итти в подставляемое им ярмо,—дал номер юмористического журнала на немецком языке и, тихонько сказав ему: — Здесь очень интересно, — раскрыл какую-то цветную картину и улыбнулся во весь рот.

Сергеев растерялся, взял журнал, уткнулся в него и бессмысленно стал перекидывать страницы.

Мы уселись пить чай.

Весман уделял особое внимание Сергееву и говорил о том, как приятно отдохнуть после такой трудной работы.

— Особенно ноги отдыхают, — ходишь тихонько по комнате, ни о чем не думаешь, и приятно.. Надо обязательно в туфлях,—у вас небось нет, вы все в сапогах мучаетесь, а я вам привез туфли,—и он достал из своего чемоданчика мяг-

кие туфли, бережно завернутые в бумагу. — С кисточкой,—любовался он, отдавая их Сергееву.— Помпончик очень интересный,—говорил он, улыбаясь и сияя.

Сергеев обмяк и притих, сосредоточенно рассматривая мягкие изящные туфли, в которых нога действительно будет тонуть, как в пуху.

Мало-по-малу Весман рассказал нам всю, очень сложную историю перевозки, сосредоточения литературы и людей и о неожиданной тревоге. Очевидно, где-то на периферии случился провал; у жандармов появилась нить, и они по ней случайно добрались до одной из наших конспиративных квартир, где Сергеев должен был принимать всю группу. Провал всей литературы и всех людей был неминуем. И он, наперерез розыску, скорее по внутренней интуиции, чем по фактам, отозвал одних за границу, других обратно в Россию, совершенно закрыл транспортировку через этот участок, остановил все отосланные в Румынию, в Болгарию и в Австрию посылки, затребовав их через почту обратно, и вообще как бы совершенно ликвидировал весь этот район, запретив на месяц всем участникам организации не только быть вместе, но даже поддерживать знакомство друг с другом.

— Дело очень серьезно,—кратко добавил он.

Сергеев сидел, вытаращив глаза и словно онемел. Он только теперь понял, насколько серьезно было дело. Если бы не выдержка Весмана—и он, и вся литература, и вся группа в России были бы

окончательно разгромлены, и все уже сидели бы в лапах жандармов и охранки. Такой провал мог повлечь за собой неисчислимые бедствия. Он понял, что ему больше ничего не оставалось делать, как надеть свои мягкие туфли, подарок Весмана, и отдыхать.

От страшного нервного напряжения он почувствовал смертельную усталость, сделался маленьким, сгорбившимся и запросился спать.

Вера Михайловна заботливо дала ему выпить мензурку какого-то лекарственного зелья и мягко сказала:

— Покойной ночи, отдыхайте, будете прекрасно, крепко спать.

И он, ни с кем не прощаясь, побрел к себе наверх, где ему все было уже приготовлено для сна и отдыха...

Весман улыбнулся и тихонько спросил:

— Там тепло?

— Тепло...

— Надо, чтобы было тепло. Будет спать... Не будите его завтра...

И мы разошлись по своим комнатам.

Жандармы два месяца сидели на занятой ими квартире, приготовив крепкую засаду для нашей организации. Шпики нервничали и шныряли повсюду в окрестностях города. Мы получали от наблюдателя точные сведения о деятельности наших заклятых врагов, но все их усилия были тщетны.

Одно время даже румынские местные власти зашевелились, очевидно получив какие-то сведения и инструкции, но так как все решительно было спокойно и все занимались своим обычным трудом, то им обрушиться было не на кого, и они вскоре успокоились. Только на пятый месяц после всей этой истории Весман решил, с величайшими предосторожностями, двинуть отряд на эту границу, вывез благополучно всю литературу, и распространил ее по России.

Рыбаки и сектанты снова приступили к работе и еще долго доставляли вольное печатное слово в наше порабощенное отечество.

Конечно, далеко не всегда все так проходило гладко. Бывали иногда жестокие, потрясающие провалы, раны от которых организации приходилось долго залечивать.

Так, И. И. Сергеев, долгое время очень успешно работавший, сорвался на каком-то пустяке и провалился вместе с товарищами, просидев в тюрьме более года под предварительным следствием.

Этот провал сильно расстроил наши ряды, и мы перебросили тогда транспорт с сухопутья на морские пути, через организацию среди матросов. Но все-таки, в общем и целом, социал-демократической организации «Жизнь» удалось очень хорошо наладить транспорт и довольно долгое время снабжать литературой многие организации в России.

Встреча с Весманом в Риге после 9 января 1905 года

Когда наша организация «Жизнь» распалась из-за внутренних принципиальных разногласий, случилось так, что этот красный почтальон, неуловимый Весман, тоже был арестован в России. С тех пор совершенно потеряв его из вида, я встретил его совершенно неожиданно в 1905 году в Риге, во время январских дней, когда я, делая объезд России по поручению нашего Организационного бюро, приехал нелегально в Ригу для налаживания связей с латышами.

Это было в день известной рижской демонстрации после петроградского 9 января. Весман пришел ко мне на конспиративную квартиру—он жил в то время нелегальным,—и мы отправились с ним осматривать город, больницы, наполненные ранеными рабочими, мертвецкие, где были навалены трупы убитых. При виде этих ужасных картин он менялся в лице и вечером внес предложение в комитет взорвать казармы унтерофицерского учебного батальона, расстрелявшего демонстрантов. К сожалению, кроме двух-трех лиц, его никто не поддержал.

Между одобрившими предложение был приват-доцент, химик местного политехникума, у которого мне отвели квартиру для ночевки, очень близкий человек к социал-демократической латышской организации. Он брался в течение не-

скольких дней доставить нужное количество сильно взрывчатых веществ и технически организовать взрыв, который конечно дал бы хороший эффект и был бы надлежащим ответом зарвавшемуся царскому правительству.

Так как в батальоне были хорошие связи, то план взрыва не представлял собою ничего фантастического. Но в рижской социал-демократической организации, к сожалению, уже господствовало тогда кисло-сладкое настроение меньшевиков. Они метались из стороны в сторону, усиленно шили знамена для демонстрации во время похорон жертв расстрела и совершенно отрицали боевые действия, ибо еще не пришло время. Мы с Весманом зашли в одну из конспиративных квартир, где было заготовлено много материи для знамен и где работницы сосредоточенно, молчаливо шили и вышивали алые полотнища сакраментальными лозунгами революции.

— Неужели только это?—сказал Весман, когда нас товарищи пригласили пообедать миногами с разварным картофелем.—Когда же мы научимся на удары отвечать ударами? Но ответа не было... Все было тихо, лишь шелестели алые полотнища под быстрыми руками работниц. Однако к осени 1905 года и меньшевиствующие латыши стали чувствовать необходимость в обороне и в нападении. Лондонская группа латышей усиленно транспортировала тогда через матросов револьверы и патроны для своей боевой организации. Член этой

организации Пунга, закупавший в Лондоне револьверы, хранил их десятками в доме В. Г. Черткова. Целыми саквояжами привозил их он в Лондон и сдавал матросам, ехавшим в Латвию.

9

После раскола социал-демократической партии на втором съезде

После раскола на втором съезде Российской социал-демократической рабочей партии весь технический аппарат остался в руках большевиков. Новый ЦК партии решил организовать настоящую центральную экспедицию в Женеве. Член ЦК нашей партии тов. Ф. В. Ленгник пришел ко мне поговорить об организации экспедиции и технической части, а также правильной бухгалтерии при ней. Когда я изложил ему свой план, он одобрил его и сказал, что желал бы, чтобы я взялся за эту ответственную работу, и что он сейчас же переговорит об этом с Владимиром Ильичом. Вечером этого же дня я получил маленькую записочку от Владимира Ильича, аккуратно, бисерным почерком написанную, в которой он просил меня зайти к нему на другой день в десять часов утра. Я конечно точно в этот час был у него. Там уже был Ленгник.

— Мы хотим вам поручить всю экспедицию и техническую часть,—сказал Владимир Ильич, выходя из своей комнаты, здороваясь и на ходу застегивая ремень, которым он подпоясывал косоворотку,—и, как всегда, сразу приступая к делу.

— Мои обязанности?..—спросил я у него в ответ.

— Чорт побери, это хорошо, когда люди говорят сначала об обязанностях, а потом, вероятно, о правах...—и он, хитро прищуривая глаз, точно приглядываясь, улыбаясь посмотрел на меня.

— Я полагаю, что у рядового революционера есть единственное право — это выполнить все возлагаемое на него Центральным комитетом самым лучшим образом,— ответил я.

— И только?..

— Других прав я не знаю...

— Начало хорошее, оч-ч-е-нь хорошо...—и он сейчас же уселся против меня и деловито, как самый заправский коммерсант, стал высчитывать, во что обходится нам номер газеты, штат, что нужно сократить, что добавить, какую бумагу лучше брать на газету, во скольких экземплярах печатать книги и пр. и пр.

Ко всем моим практическим указаниям он внимательно прислушивался и сейчас же настораживался, четко записывал по номерам то, что ему казалось особо важным, нередко давая тут же свое согласие на то или другое предложение.

— Вы это проверьте еще и еще раз, все взвесьте, кратенько запишите, и в четверг,—мы будем собираться по четвергам точно в три часа,—расскажите нам, и мы окончательно поговорим...

— Не спешите,—говорил он по другому поводу,—все взвесьте. Помните, что лучше не сделать, чем ошибиться; средства у нас весьма ограниченные, ошибка вызовет вой меньшевиков, отзовется

в России; нам нужно везде делать отчетливые, верные шаги...

И так всегда: осторожность, предусмотрительность, расчет, учет, экономия, минимум затрат, максимум внимания к приезжим из России, особая забота о рабочих...

В результате этой практической деловой беседы, состоявшейся приблизительно в январе 1904 года и длившейся более часа, у Владимира Ильича образовался листок, на котором были помечены несколько десятков вопросов, вытекших из сути нашего разговора. Этот листок он передал мне — до четверга, к которому мне предстояло дать подробный ответ на каждый пункт.

Получив тут же, за подписями членов ЦК (Ленина и Ленгника), официальное назначение, я в тот же день пошел принимать экспедицию, типографию, брошировочную и прочее у нашего товарища, ныне умершего Лейбовича (Цейтлина), который мало был приспособлен к делу, случайно на него возложенному, и даже тяготился им.

10

Организация новой экспедиции

Борьба между большевиками и меньшевиками разгоралась.

Официальный адрес экспедиции был на П. Б. Аксельрода. На его имя шла вся простая, заказная, денежная и прочая корреспонденция. Мы все получали по его доверенности. Совершенно ясно, что мы были в полной зависимости не толь-

ко от меньшевиков, но и, персонально, от отдельного лица. Достаточно было порвать отношения, и тогда неминуемо последовало бы заявление Аксельрода на почту о передоверии корреспонденции другим лицам, и вся корреспонденция без исключения была бы от нас отрезана. Квартира экспедиции была также взята на имя Аксельрода, и если бы он захотел, нам могли закрыть вход в это помещение, как снятое на определенное имя. Все это, при сложившихся обстоятельствах, мне казалось совершенно ненормальным, и я предложил тотчас же переменить квартиру и адрес для почты.

О перемене квартиры и взятии ее на мое имя не было ни споров, ни разногласий. Переменить же почтовый адрес—колебались. Как-то было еще неловко приступать к ломке, выказывать недоверие таким почтенным лицам, как П. Б. Аксельрод и другие. И, действительно, было не только неловко, но даже жутко, ибо ведь это были наши ближайшие товарищи, учителя, к которым мы привыкли относиться с глубочайшим уважением. Но прожить политическую жизнь—не поле перейти; здесь жестоко нарушаются все личные симпатии и привязанности. Вчерашние друзья становятся заклятыми врагами. Там, где только что были совет да любовь, властно господствуют разногласия и ненависть, ибо нет более глубоких расхождений, как расхождения принципиальные, расхождения по убеждению. Решено было пойти в воп-

росе об адресе на какой-либо компромисс, о чем после неоднократно сожалели.

Я в тот же день отправился с моей женой В. М. Величкиной хлопотать о квартире. Еще несколько месяцев тому назад мы присмотрели вновь отделываемый большой дом по Rue de la Colline, 3, на берегу Арвы, перед которым расстилалось большое свободное береговое пространство, где в будущем предполагалось разбить сквер. Этот дом, разделенный на небольшие квартиры, был очень подходящим для заселения нашей политической эмиграцией. В Женеве у нас были большие связи, и мы получили солидные рекомендации к директору правления компании домовладельцев, которой принадлежал этот дом. Нам охотно сдали квартиру, и мы условились, что русских в этот дом будут пускать только с нашей рекомендацией. Контракт был подписан в тот же день.

Постепенно мы заселили много квартир в этом доме. Именно сюда мы и решили также перевести экспедицию ЦК нашей партии, сняв для нее отдельную квартиру. Отмечу кстати, что именно в этом доме поселились, кроме нас и экспедиции, наши товарищи: Ф. Ф. Ильин с женой, несравненный изготовитель нелегальных паспортов, М. Н. Лядов (Мандельштам), работавший в нашей организации вместе с женой, теперь умершей,— Л. И. Кранихфельд (Кручининой). В этом же доме мы устроили библиотеку, архив и читальни ЦК нашей партии, заняв под них весьма большое по-

мещение первого этажа. Тут же жили Лепешинские, устроившие общественную русскую столовую, прокармливавшую нашу эмигрантскую братию, в то же время являвшуюся постоянным помещением для рефератов, сообщений, дискуссий, политических свиданий и первым местом пребывания многих, вновь прибывших товарищей. В этом же доме была устроена артелью наборщиков-эмигрантов из России вольная кооперативная русская типография, в которой печатались издания большевиков, наша газета «Вперед» и пр.

Таким образом, здесь со временем действительно образовалось сосредоточение большевистских сил; недаром Мартов так не любил эту сторону, что не утерпел даже в одной из своих статей упомянуть об «осином гнезде», расположившемся «на берегах мутной Арвы».

Получив разрешение на въезд в квартиру, я тотчас же мобилизовал всю большевистскую женевскую группу содействия, к этому времени вполне организовавшуюся, и в один день сразу перевез всю экспедицию, со всем книжным инвентарем, в новое помещение. Быстро организовал книжный склад, придав ему вид настоящего книжного оптового магазина, открыл прием посетителей в строго определенные часы каждого дня и озаботился о конспиративных предосторожностях, так как тут же были сосредоточены явки для бежавших из России и нелегально приезжавших товарищей. В этом же помещении было устроено

паспортное бюро, со всеми печатями, бланками, паспортными книжками и пр.

Меньшевики, узнавшие через несколько дней о внезапном переезде экспедиции, зашевелились, стали ворчать, почему это сделано без их ведома, но так как это дело несомненно относилось к функциям заграничного представителя ЦК партии, и все было сделано с его одобрения и письменного предписания, то придраться было не к чему.

С переездом на новое место экспедиции, почтовый адрес которой остался без изменения, и начинается борьба именно за этот адрес, так как, повторяю, на неожиданное и решительное изменение его представитель ЦК не пошел, да и Владимир Ильич в этом, на первый взгляд маленьком, вопросе, по его же выражению, «колебнулся», что в будущем нам доставило немало лишних, нудных и крайне неприятных хлопот.

11

История почтового адреса

Если вы обратите внимание на историю почтового адреса «Искры», всегда крайне важного в деле организации нелегальной литературы вообще и нелегальной газеты в особенности, то вы увидите, что с № 1 (декабрь 1900 г.) по № 6 (июль 1901 г.) включительно, то-есть восемь месяцев «Искра» издается совершенно без почтового адреса. Имеется только лаконическая подпись: «Типографии «Искры», ибо и за границей она выхо-

дит почти нелегально, распространяется в крайне малом числе экземпляров по русским колониям и всецело направляется в Россию, поскольку хватает транспортных сил.

В № 2 «Искры» (февраль 1901 г.) в «Почтовом ящике» было сказано:

«Сообщаем всем товарищам, оказавшим поддержку нашему изданию, что избранный нами способ сношения, представляющий на первый взгляд многие неудобства, оказался целесообразным. Если соблюдать все меры предосторожности, материалы доставляются скоро и аккуратно».

Совершенно очевидно, что здесь говорится об ультраконспиративном способе доставки материала в редакцию через отдельных, строго конспирировавших почтовый адрес, представителей этой социал-демократической организации.

С № 7 (август 1901 г.) в «Искре» появляется в конце газеты, под «Почтовым ящиком», объявление со следующим текстом:

«По поводу многократных обращений к нам с вопросом о том, как сноситься с «Искрой» людям, попадающим за границу, мы повторяем, что из-за границы следует посылать все и всякие письма, материалы и деньги на адрес Дитца в Штутгарте: Verl. J. H. W. Dietz Nachfolger, Stuttgart для редакции «Зари». Редакция «Зари» будет всегда немедленно пересылать нам все получаемое ею для «Искры.»

Хотя здесь и говорится, что редакция «Искры» «повторяет» о способе сношения с ней, но на самом деле ни в одном из предыдущих номеров этой газеты адрес Дитца не указывался, и совершенно очевидно, что это «повторение» было употреблено только для конспиративных целей. Заявление же в № 2 тоже не являлось тем первоначальным текстом, который здесь будто бы «повторялся».

С объявлением адреса Дитца для редакции толстого журнала «Заря»—«Искра» впервые выходила из заграничного подполья на большой свет. Этот адрес для редакции «Искры» конечно был очень удобен, так как редакция «Искры» и «Зари» была почти одна и та же: вся почта поступала непосредственно из рук Дитца в руки Владимира Ильича и его ближайших друзей, всегда живших там, где была редакция этой, созданной по преимуществу Владимиром Ильичом, газеты. В то время редакция «Искры» помещалась в Мюнхене, откуда весь материал поступал в типографию.

В № 9 «Искры» (октябрь 1901 г.) под тем же объявлением появляется приписка:

> «Убедительно просим всех, пользующихся этим адресом, на внешнем конверте писать только адрес Дитца, указание же о передаче (для редакции «Зари») должно делаться на внутреннем конверте».

Совершенно очевидно, что германская полиция, осведомленная своим русским собратом, изо всех сил старалась разыскать, где печатается «Искра», и стала наблюдать за Дитцем и его почтой.

С.-д. издатель Дитц, организовавший для германской социал-демократической партии свое несравненное и, по богатству и по разнообразию, ни одной из других социал-демократических партий не превзойденное, издательство, с особенной симпатией всегда относился ко всем русским социал-демократическим начинаниям и, по мере сил и возможности, помогал им. Он владел русским языком. В молодости своей жил в Петербурге в качестве наборщика. Мне рассказывали, что он набирал журнал «Современник» и знавал Н. Г. Чернышевского. Давая свой адрес для «Зари»—этого первого нелегального толстого социал-демократического журнала—он конечно рисковал навлечь на себя громы и молнии германской полиции, но несмотря на это все-таки адрес свой дал, «Зарю» издавал и широко распространял, чем сильно помог российской социал-демократической партии.

С № 10 «Искры» (ноябрь 1901 г.) адрес «Дитц — «Заря» снимается, появляется вновь лишь в № 17 (15 февраля 1902 г.) и укрепляется вплоть до № 22 (июнь 1902 г.), в котором впервые, на ряду с фамилией Дитца, появляется новый адрес.

В «Почтовом ящике» этого номера помещена заметка, в которой говорится:

> «Со всеми требованиями на нашу литературу просим обращаться из-за границы по адресу: Herrn P. Axelrod, Zürich, Vogelsangstrasse, 9/11».

С № 22 (июль 1902 г.) адрес Дитца совершенно исчезает. На его месте печатается адрес Аксельрода, а про старый неожиданно появляется следующая заметка:

> «Настоятельно просим всех, пользующихся для сношений с нами (и пересылки денег) адресом Дитца, отмечать на внутреннем конверте, что письма (корреспонденция или деньги) предназначены для редакции «Зари». В противном случае материалы и письма могут не попасть к нам».

Читатель удивлен. Но такова трудная эмигрантская жизнь. Конечно, Дитца никто ни в чем не подозревал. Но он приютил у себя Струве с его журналом «Освобождение», бывшего сотрудника «Искры», пошедшего назад к либералам; почта «Зари» без внутренних конвертов стала попадать в «Освобождение», и материалы, шедшие для «Искры», появились в «Освобождении», хотя, вероятно, это делалось неумышленно, а просто получалась путаница. Вот почему и пришлось «Искре» объявить новый адрес, принадлежавший одному из редакторов «Зари». Этот цюрихский

аксельродовский адрес на литературу помещается, почти в каждом номере «Искры», вплоть до № 42 (15 июля 1903 г.), в котором адрес терпит некоторое изменение. В «Почтовом ящике» этого номера «Искры» напечатано:

> «Деньги и письма для «Искры», «Зари» и «Лиги русской революционной социал-демократии», а также требования на литературу просим направлять по следующему адресу: M-r Paul Axelrod, Acacias, Genève (Suiss)».

Аксельрод на самом деле жил в Цюрихе, не думая переезжать в Женеву, так и остался там жить. Редакция «Искры» и «Зари» из Лондона переехала в Женеву, где сосредоточились все самые главные вожди нашей партии того времени. В Женеву переехала и типография «Искры», расширилась экспедиция, устроенная на имя Аксельрода, но сам Аксельрод уже не имел непосредственного отношения к делам экспедиции, так как был от нее отделен географически, и вся почта получалась в Женеве по его доверенности.

Раскол на втором съезде партии сразу же отразился на изменении адреса нашей центральной женевской экспедиции и кассы.

Начиная с № 46 (15 августа 1903 г.), «Искра» начинает выходить под новой редакцией (Ленин—Плеханов), вплоть до № 51 (22 октября 1903 г.).

№ 52 (7 ноября 1903 г.) редактировался только Г. В. Плехановым, так как В. И. Ленин, в виду

возникших разногласий, вышел из редакции «Искры».

С № 53 (25 ноября 1903 г.) «Искра» выходит под новой, кооптированной Г. В. Плехановым редакцией, куда вновь вернулись Потресов (Старовер), Л. Мартов, П. Аксельрод и В. Засулич. Именно с этого номера до конца дней своих газета «Искра» становится исключительно меньшевистской. Плеханов в ней имеет все меньше и меньше влияния и наконец, не вытерпев, после решений меньшевистской «Первой общерусской конференции партийных работников», выходит из редакции «Искры», напечатав об этом заявление в № 101 (29 мая 1905 г.). С этого времени когда-то общепартийная, ранее ортодоксально-революционная газета становится всецело органом новых русских оппортунистов социал-демократической партии.

Г. В. Плеханов, очевидно, предчувствуя свое будущее расхождение со старыми товарищами по «Группе Освобождение труда» и более молодыми по «Искре», еще с марта 1905 года начинает издавать «Дневник социал-демократа», чтобы во-время отступить на ранее приготовленную и укрепленную, изолированную литературную позицию. Но отступив на нее ,он остался почти в полном одиночестве и вместо организующего массы органа, вместо газеты, принужден был обстоятельствами жизни издавать лишь свой собственный «Дневник», то есть нечто личное, индивидуалистическое, в то время как вся наша общественно-революционная

жизнь мощно шла к коллективному творчеству. Так началась первая глава драмы последних пятнадцати лет жизни и деятельности основоположника российской социал-демократии, несравненного трибуна, вождя, революционера и теоретика марксизма Георгия Валентиновича Плеханова.

12

Борьба большевиков за самостоятельный адрес

В № 53 «Искры», где появилась заметка под названием «Изменения в редакции «Искры», сейчас же, по настоянию заграничного представителя ЦК, изменяется и текст сообщения об адресе экспедиции. К женевскому адресу Аксельрода, который нами приведен ранее, прибавляются следующие слова:

> «На всех письмах и сообщениях необходимо обозначать (на внутренних конвертах): «для редакции ЦО», «для ЦК» или «для Лиги».

Таким образом впервые здесь появилось разделение адресов для «ЦО» (меньшевиков) и «ЦК» (большевиков). В этом, казалось, маленьком деле уже ясно отразились настроения обеих сторон, особенно большевиков, которые, порвав литературно, начинают «отмежевываться» организационно от меньшевиков и их центров — «ЦО» и «Лиги».

В этом же номере под «Почтовым ящиком» впервые напечатана заметка от заграничного

представителя ЦК, ясно говорящая о той же настороженности.

> «Центральный комитет, — говорится в этой заметке,— заявляет во всеобщее сведение, что за границей находится теперь постоянно его агент, к которому просят обращаться всех, имеющих дело к Центральному комитету. Место и время для свиданий можно узнавать через членов партии, а не имеющих партийных связей просят обращаться письменно по адресу «Искры» (Genéve, Acacias, Paul Axelrod), с обязательной отметкой: «для ЦК».

Представитель в то время еще большевистского ЦК, большевик Ф. В. Ленгник, добивался и здесь, в руководстве и в информации приезжающих из России товарищей, отделения от меньшевиков и их влияния. Но этого заявления, главная суть которого была конечно в последних словах, было мало. Необходимо было, помимо адреса Аксельрода, выдвинуть авторитетный адрес со стороны большевиков, который, по нашему тогдашнему мнению, должен был печататься в «Искре» тут же рядом с аксельродовским адресом экспедиции. Пока что в № 53 и 54 «Искры» печатается адрес Аксельрода и рядом с ним вышеприведенное заявление заграничного ЦК партии. В №№ 55, 56, 57, 58, 59 и 60 оба адреса совершенно отсутствуют, и лишь печатается адрес типо-

графии партии (rue de la Couluvreinière, 27), где всецело и безраздельно господствовали меньшевики.

В сущности, большевистскому в то время ЦК нашей партии типография принадлежала только номинально: никакого влияния или руководства мы там не имели, и можно было всегда сомневаться, захотят ли «меньшевики» подчиниться тому или иному распоряжению ЦК и напечатают ли то, что нами туда будет послано. Целый ряд наших изданий бесконечно долго тянулся там; например, книжка Владимира Ильича «Шаг вперед, два шага назад» была набрана в партийной типографии с большими промедлениями и неприязненным фырканьем со стороны ответственных лиц по типографии. Точно так же письмо Владимира Ильича в редакцию «Искры» под названием «Почему я вышел из редакции?» было остановлено меньшевистской редакцией и не напечатано, что вызвало, по совершенно понятным причинам, полное нежелание Владимира Ильича посылать вообще что-либо в эту явно враждебную ему газету.

Редакция имела бесстыдство в № 58 «Искры», на вполне естественные тревожные запросы товарищей из-за границы и из России, почему не появляются статьи самого крупного, признанного огромной пролетарской массой вождя партии, напечатать в «Почтовом ящике» следующий нахальный, если не сказать больше, ответ:

«Нескольким читателям. Отсутствие в «Искре» статей тов. Ленина объясняется просто тем, что со времени отложенного нами его письма («Почему я вышел из редакции?») тов. Ленин до сих пор больше ничего для «Искры» не присылал».

Как известно, эта почтенная редакция так прочно «отложила» письмо Владимира Ильича, что оно могло лишь появиться отдельной брошюрой в издании ЦК нашей партии, под названием «Почему я вышел из редакции «Искры», конечно без малейшего участия со стороны меньшевиков.

Так все более назревало и крепло деловое расхождение с меньшевиками, прикидывавшимися, что они хотят сохранить мнимое «единство партии». На самом же деле они везде и всюду, даже по мелочам, выступали как действительно нетерпимые раскольники, не желавшие считаться с мнением большей половины партии, а всемерно хотевшие задавить, заглушить ее мнение, ее влияние, прикрываясь пустопорожней словесностью о вольной дискуссии на страницах ЦО; сюда допускались к печати произведения лишь тех товарищей, которые давали им хороший повод к ответу, к высмеиванию, к искажению. Такие «сотрудники», как Владимир Ильич, им были нежелательны, и они его статью-письмо «откладывали» из номера в номер, чтобы совсем замариновать.

Еще бы! Они прекрасно знали, как встретит пролетариат России известие о том, что Владимир Ильич вынужден был покинуть редакцию ЦО партии, куда, вопреки голосованию большинства съезда, желанием одного человека вновь втащены те, кто остался в меньшинстве на съезде, — кто несомненно не выражал волю революционного пролетариата России того времени.

В начале 1904 года все большевики, находившиеся при центральных учреждениях в Женеве, почувствовали необходимость иметь собственный политический адрес. Заграничный представитель ЦК партии на опыте убедился, как бесцеремонно обращается «праведная» меньшевистская редакция с его желанием получать почту для ЦК хотя бы в отдельных конвертах по адресу ЦО. Это заявление просто снималось с номера, и всегда выходило так, что у заведывающего типографией тов. Блюменфельда при верстке номера не хватало места именно для него.

В марте 1904 года я твердо настоял перед заграничным представителем ЦК и Владимиром Ильичом об обязательном выпуске номера «Искры» с двойным адресом: один ЦО, другой ЦК, причем предложил, чтобы этот адрес был обязательно на Владимира Ильича. Многие сомневались, что возможно будет, в силу сложившихся отношений, настоять на этом, но я сказал, что это дело мое: раз представители ЦК на это согласны, то именно так и будет, — и сейчас же запасся соответствую-

щей бумажкой от ЦК. Я решил, к тому же, ограничить число вкладных листов в «Искру», ибо не в меру разраставшиеся номера газеты нарушали уже представление о газете и, главное, крайне истощали нашу кассу, а платить-то за издание газеты должен был ЦК партии, который возложил эту хлопотливую обязанность на женевскую центральную экспедицию ЦК.

При свидании с Мартовым, состоявшемся на квартире у Плеханова, я определенно заявил, что номера «Искры», в силу распоряжения ЦК, будут теперь выходить с двумя адресами, и точно условился о сокращении размера. Г. В. Плеханов не вмешивался в разговор, — он лишь полюбопытствовал, во сколько обходится номер газеты. Узнав ту значительную сумму, которую нам почти каждые десять дней приходилось тратить, он удивился ее размеру, сказал:

— Совершенно необходимо сокращаться, этак мы доведем их до долговой тюрьмы,— и тут же энергично предложил целый ряд статей, уже присланных для набора, отложить, другие соединить в брошюры и проч.

Я передал новый текст адресов и сказал, что без них ни один номер «Искры» более не выйдет. Плеханов прочел адрес и усмехнулся, переглянувшись с Мартовым.

— Прикажете это рассматривать как акт определенного недоверия ЦК к ЦО? — ядовито и усмешливо заметил Мартов.

Я не обратил внимания на его «яд» и просто сказал:

— Так меньше будет путаницы. Дела партии развиваются, и все необходимо приводить в порядок, ставить на деловую ногу.

— Ну, что же,— невнятно, еще сердясь, произнес Мартов и текст адресов положил в портфель.

Адрес был не из приятных для Мартова.

К аксельродовскому адресу мы прибавили следующий текст:

> «Всю заграничную корреспонденцию, простую и денежную, предназначенную для ЦК партии или для партийной экспедиции, ЦК просит направлять по адресу: V. Oulianoff, 3 rue de la Colline (prés Pont-neuf), Genéve (Suisse)».

Владимир Ильич никогда не жил по указанному здесь адресу. Здесь помещалась экспедиция ЦК. Доверенность на получение корреспонденции Владимир Ильич тотчас же выдал мне, и его более не приходилось тревожить по почтовым делам.

Таким образом, впервые после раскола на съезде, ЦК партии эмансипировался и в этой организационной детали от ЦО нашей партии, находившегося в то время в руках меньшевиков.

Двойной адрес печатается в «Искре» вплоть до № 72 (25 августа 1904 г). Именно в этом номере появилось то расплывчатое, раздававшее «всем

сестрам по серьгам» заявление ЦК партии того времени.

В ЦК произошли изменения. Большевик Ф. В. Ленгник был арестован нелегальным в России; некоторые из большевиков (тов. Глеб) сильно заколебались и устроили примиренческий ЦК, вероятно искренно желая, чтобы в партии прекратились «ссоры». Но так как ссор в партии не было, а было глубокое принципиальное разногласие, то благодушное настроение нового ЦК пошло не на пользу, а в прямой вред партии, на некоторое время затушевав эти разногласия, в очень скором времени проявившиеся с еще большей резкостью.

ЦК конечно выразил пожелание, чтобы тов. Ленин вошел в редакцию ЦО; это предложение делалось после того, как всем хорошо было известно, что вся меньшевистская братия готова утопить Ленина в ложке воды. Другое прекраснодушное пожелание примиренческого ЦК заключалось в том, чтобы все перестали ссориться, и тут же «ЦК решительно высказывался против созыва в настоящее время экстренного съезда и против агитации за этот съезд». Само собой понятно, что этот пункт резолюции был прямым образом направлен против большевиков в партии. Делалось косвенное нападение на В. И. Ленина в п. 6, где сказано, что «приняв во внимание вред; причиняемый партийной организации несогласованностью с деятельностью ЦК в России деятельности представителя его за границей (читай—Ленина)—

ЦК постановляет: в сношениях с ЦО представители ЦК не предпринимают ответственных действий иначе, как по поручению коллегии».

Совершенно ясно было, что после таких персональных изменений в ЦК партии и изменений в курсе его политики — по всей линии пойдет сдача позиций меньшевикам. Так оно и случилось. Заграничным представителем был назначен примиренец меньшевистского уклада, который тотчас же пошел в меньшевистскую Каноссу и в том же номере «Искры» поместил заявление против вышедшей на немецком языке книги тов. Мандельштама: «Material zur Erläuterung der Parteikrise» за подписью «Lydin, vertrausmann des Centralcomitée», что, мол, ЦК к ней не имеет никакого отношения. И с этого же номера «Искры», конечно, исчезает адрес для **Ц. К.** партии В. И. Ульянова (Ленина); исчез и адрес экспедиции, и вся корреспонденция вновь была передоверена адресу ЦО (Аксельрод и т. д.).

В этом же заявлении ЦК партии доводил до сведения всех товарищей, что в партийной типографии будут печататься произведения, в той или иной степени значительные; что же касается изданий ЦК, то они будут носить пометку: «Изд. ЦК».

Это глухое заявление, конечно, было понятно лишь посвященным. Кто же, в самом деле, будет определять эту «значительность»? Конечно ЦО, то есть меньшевики, — то-есть большевистской литературе больше появляться в свет на обще-

партийные средства будет нельзя; до сих пор мы много причиняли нашими изданиями неприятностей ЦО и всем меньшевикам. В самом деле, какую «значительность» могли они придавать той литературе, которая неумолимо, шаг за шагом, разоблачала их шаткие позиции, которая везде и всюду открывала глаза рабочим на то, что новая тактика новой «Искры» к добру для рабочего класса не приведет? Достаточно посмотреть списки наших изданий, появлявшихся через партийную экспедицию и принадлежавших перу большевистских писателей, чтобы вполне согласиться с тем, что там действительно было много очень огорчительного для меньшевиков.

Вот эти издания:

1) Н. Ленин. Письмо в редакцию «Искры» («Почему я вышел из редакции?»), как помнят читатели, «отложенное» к напечатанию редакцией ЦО.

2) Н. Ленин. Письмо к товарищу. («О наших организационных задачах»).

3) Павлович. Письмо к товарищам о втором съезде Рос. соц.-дем. раб. партии.

4) Комментарии к протоколам второго съезда заграничной лиги русской революционной социал-демократии.

Все это было издано в несколько месяцев, и для меньшевиков ясно было, что мы и в дальнейшем будем печатать такую же разоблачительную литературу.

Так как сидеть между двух стульев неудобно, а в политике и невозможно, то нашим примиренцам волей-неволей пришлось пересесть на стул меньшевиков, и вся их примиренческая деятельность пошла, конечно, по наклонной плоскости к меньшевизму.

Мы продолжали работать по-старому в экспедиции, но ясно видели, что наступают последние дни совместной работы.

13

Нелегальная работа в войсках

РСДРП издавна стремилась наладить работу в войсках. По самой своей сущности работа эта была крайне трудна и опасна. Агенты правительства Николая II зорко следили за тем, чтобы в закрепощенную солдатскую казарму никоим образом не могло проникнуть вольное русское слово и чтобы никто из солдат не мог завести «преступные» знакомства с теми, кто в пропаганде идей пролетариата видел цель и смысл своей жизни. И действительно, проникнуть в казармы было крайне трудно.

В девяностых годах XIX века, когда наша партия начинала только работать, я почти не помню случая, чтобы на наших нелегальных собраниях промелькнул где-либо солдатский мундир. Нелегальная литература того времени также очень редко отмечает не только прямое участие, но хотя бы краткое сообщение из казармы о житье-бытье рабочих и крестьян, одетых в солдатские шинели.

Войска того времени были выдрессированным послушным орудием царского угнетения. Они покорно разъезжали по всей стране, борясь со студенческими, рабочими, крестьянскими, сектантскими и всякими другими движениями, свинцом и нагайкой заставляя умолкать робкий протест, иногда переходивший в бурную стачку или в отчаянное сопротивление. Крестьяне погибали на помещичьих межах, желая отыскать «правду», которая нередко выражалась в одном слове «землицы», — хотим «землицы»! Царское поздравление «молодцов-фанагорийцев», расстрелявших рабочих, воинские награды за экзекуции над крестьянами, — вот что обыкновенно сопровождало солдат, посылаемых царским правительством на борьбу с «внутренним врагом».

Сколько-нибудь систематическая работа среди войск силами нашей партии начинается со времени японской войны. Благодаря мобилизациям в войска проникают распропагандированные рабочие и некоторые интеллигенты, стоявшие на точке зрения пролетариата и усвоившие марксизм и тактику борьбы социал-демократии. Кое-где тогда появились в казармах наши прокламации, завелись крохотные кружки самообороны среди солдат и младших офицеров.

Бдительное начальство вскоре начинает замечать и эту кропотливую работу и издает ряд грозных циркуляров, требующих особо тщательного наблюдения за «штатскими» лицами, проникаю-

щими в казарму. Эти тайные циркуляры попадают в заграничную печать, и тем еще раз подчеркивается связь между нашей организацией и казармой.

Как только началась русско-японская война, наша партия тотчас же стала реагировать на это новое выступление мирового империализма. ЦК нашей партии тотчас же после объявления войны издал две прокламации: одну «К русскому пролетариату», другую — «К солдатам», под названием «Для чего должен умирать русский солдат?» Центральный орган нашей партии — «Искра» тогда же издала по поводу войны, одну за другою, пять прокламаций: 1) «Война против войны», 2) «Ко всему рабочему народу», 3) «Международный жандарм», 4) «К обществу», 5) «Кому помогать?»

Все прокламации были изданы за границей, перепечатаны во всех наших изданиях — в книжках, в журналах, в газетах и нелегально появились в большом числе в России. Их всеми мерами стремились распространить и среди солдат. Такие же прокламации, обращенные более всего к солдатской массе, были изданы Петербургским, Московским, Одесским, Николаевским, Харьковским и другими комитетами нашей партии.

Помимо прокламаций наша партия в это же время начинает выпускать ряд книжечек, доступных пониманию русского рядового солдата. Рассказы из жизни казармы, изданные за границей,

проникают в Россию и тотчас же находят читателей среди солдат. В 1903 году мы уже видим первые политические процессы, где подсудимыми являются исключительно солдаты, которым вменяется в вину хранение и распространение нелегальной литературы, в том числе изданной нашей партией.

Вскоре после начала русско-японской войны в Японию стали привозить большое число пленных русских солдат. Заграничный отдел ЦК поручил мне организовать снабжение русских пленных нашей литературой. Женевской центральной экспедицией нашей партии удалось найти пути к концентрационным лагерям, в которых находились пленные. В этом помогли более всего русские, жившие в Нью-Йорке; удалось особенно хорошо и много сделать через известного русского эмигранта, доктора Русселя, давно ставшего полноправным американским гражданином и занимавшего в то время высокий пост при правительстве Филиппинских островов. Русселю было разрешено организовать комитеты помощи русским пленным. Комитет этот снабжал их бельем, продуктами, письменными принадлежностями, газетами и книгами. Газеты и книги шли от нас к Русселю, причем, для большей конспирации, они перепаковывались в Нью-Йорке и поступали к Русселю как посылки из Нью-Йорка, а не из Женевы. Очень скоро мы стали получать письма от солдат с просьбой прислать книг, газет. Эти письма

нам пересылали с Филиппинских островов. Когда русский флот потерпел целый ряд поражений, и много матросов было интернировано в Шанхае, Сингапуре, Гонконго и в других приморских городах, мы тотчас же устремили наше внимание туда и снабдили своих соотечественников большим количеством литературы.

Мы поместили нашу литературу в книжных магазинах всех приморских городов Индии, Китая и океанских островов с тем расчетом, что в них постоянно прибывали русские суда, подготовлявшие путь для эскадры адмирала Рождественского, а также торговые суда. Мы прекрасно знали, что всякий матрос, очутившийся на берегу, постарается захватить с собой произведения нашей заграничной печати; так на самом деле и было: продажа нашей литературы в этих местах шла бойко.

Очень интересно отметить отношение Г. В. Плеханова к нашей работе среди русских военнопленных в Японии.

Когда еще была единая экспедиция партии, я получил записку от Георгия Валентиновича, который просил меня притти к нему «по важному и неотложному делу». Г. В. Плеханов в то время был членом Совета партии и новой редакции «Искры», из которой В. И. Ленин уже вышел, а Мартов с друзьями был кооптирован Плехановым

Иду.

Георгий Валентинович таинственно меня встречает, ведет в гостиную и говорит:

— Я позвал вас к себе поговорить наедине, откровенно, в знак нашего старого знакомства, прежде чем делать вам официальный запрос от Совета партии.

— В чем же дело? — недоумеваю я.

— Скажите пожалуйста, но только совершенно откровенно: вы от нашей партийной экспедиции вошли в сношение с японским правительством?

Я невольно сделал большие глаза, и, очевидно, на моем лице выразилось такое неподдельное удивление, что Георгий Валентинович сейчас же добавил:

— Может быть, были попытки, к вам посылали, зондировали почву. Кто-либо направлял вас на это дело?

Я сразу понял, что острие всего этого разговора направлено не против меня и не против экспедиции. В то время, с легкой руки Аксельрода [1], Владимира Ильича стали всюду сравнивать с немецким деятелем Швейцером, который для достижения диктаторской цели не брезговал никакими средствами. Очевидно среди меньшевиков родилась идея скомпрометировать Владимира Ильича с этой стороны. Во время последней

[1] См. его фельетон в «Искре» № 55 (15 декабря 1903 г.) «Объединение российской социал-демократии и ее задачи». «Итоги ликвидации кустарничества» (конец фельетона).

мировой империалистической войны у Алексинского с компанией разрабатывалась такая же клевета по отношению к Владимиру Ильичу, которого эти презренные наймиты буржуазии и черносотенцев позволяли себе обвинять в сношении с немецким правительством во время войны.

Поняв, куда клонятся эти намеки, я определенно и резко ответил Плеханову:

— Я удивлен, что член Совета партии, старейший социал-демократ, может питаться явно клеветническими сплетнями и заподозревать своих недавних близких товарищей в политических гнусностях.

Георгий Валентинович очевидно понял всю неловкость своего положения и сейчас же сказал:

— Вот именно для опровержения всего этого как при частных разговорах, так, может быть, и в Совете партии я и позвал вас предварительно к себе, чтобы запастись совершенно точными и достоверными сведениями. Я лично, — добавил он, — уже определенно заявил, что совершенно этому не верю, что это сплетня, что здесь наверное кроется что-либо совершенно другое...

Я рассказал ему подробно о всей организации снабжения через Русселя нелегальной литературой наших пленных в Японии. Он крайне был удивлен, что мы посылаем туда такое большое количество литературы и сказал, что Русселя он лично знает и вполне его рекомендует как очень энергичного

и весьма преданного делу революции товарища, что нашу деятельность он вполне одобряет.

— Если бы мы имели возможность войти в самые тесные сношения с японской рабочей партией,— дополнил я Г. В. Плеханову,— и через нее повести еще более энергично нашу пропаганду среди пленных, то мы обязательно это сделали бы, так как не признаем царского правительства, объявившего войну. Мы конечно братски работали бы, через головы правительств и русского и японского, с пролетариатом Японии, но, к нашему величайшему сожалению, пролетарская организация Японии столь слаба, что и пытаться это сделать не имеет смысла. Мы решили ограничиться нашей деятельностью через доктора Русселя и помещением литературы в книжные магазины приморских городов Европы, Африки, Америки и Азии, куда только можно предположить, что будут заходить корабли,— угольщики, военные, транспортные и прочие,— и где русские матросы, солдаты, офицеры, чиновники и рабочие могут купить нашу литературу. Конечно, было бы лучше,— прибавил я,— иметь во всех этих городах наших пропагандистов, агитаторов и распространителей литературы, хотя бы и бесплатно,— но, к сожалению, на это у нас нехватает сил и средств. Найти же там подходящих людей крайне трудно, почти безнадежно.

Плеханов увлекся этим планом работы среди русских военнопленных, матросов и солдат. От-

нюдь его не отрицая, он высказался определенно что, конечно, пролетариату нет никакого дела до буржуазных правительств, и что всяческая солидарность пролетариата, тем более работа в такой острый момент жизни двух соседних народов, только желательна, демонстративна и, кроме того, крайне полезна как сильно действующее агитационное средство.

Впоследствии я невольно припомнил этот наш разговор с Плехановым, когда он на всемирном социалистическом конгрессе говорил речь по поводу русско-японской войны, приветствовал японский пролетариат, братался с представителем его на конгрессе—тов. Катаямой, жал ему руку и, под гром аплодисментов всего конгресса, расцеловался с ним. Это была значительная политическая демонстрация всемирного социалистического внимания к вопросам войны и мира в дни разгулявшегося шовинизма.

Я добавил Плеханову, что на днях экспедиция нашей партии получила письмо от японского консульства в Берлине с подпиской на два экземпляра «Искры» и «Рассвета», что мы зачислили в списки и этого подписчика так же, как и всех других, и высылаем ему газеты одновременно со всеми. Кстати, я сообщил ему, что среди подписчиков и заказчиков на наши газеты и литературу имеется довольно много всяких официальных мест и учреждений (в том числе и разных правительств, до русских посольств и консульств

включительно), — и что мы конечно всех подписчиков удовлетворяем, совершенно не обращая внимания, кто они такие.

Плеханов вполне с этим согласился.

— Не можем же мы, в самом деле, еще и контролировать, кто купил наши издания в книжных магазинах, на вокзалах, в киосках!

Этим наше собеседование окончилось.

Георгий Валентинович на прощанье просил меня сообщать ему о результатах работы среди русских пленных, находящихся в Японии, и добавил с усмешкой:

— Теперь я знаю, что говорить мне и в Совете и моим «друзьям». У меня есть полная уверенность, что я посрамлю тех, кто кумушкины сплетни желает превратить в политические разногласия...

И мы расстались.

Русско-японская война, закончившаяся для России постыдным поражением, привела к первой революции. В ходе развития этих событий всем, конечно, памятны восстания матросов Черноморского флота, среди которых наша пропаганда и агитация шла постоянно, чем так возмущался в своих грозных циркулярах черноморский адмирал Гильдебрандт. Как известно, на борту восставшего «Потемкина» находились наши товарищи из Одесского, Николаевского комитетов и особо уполномоченное лицо, наш близкий товарищ-большевик, посланный на борт «Потемкина» ЦК на-

шей партии. Затем последовало восстание саперов в Киеве, и за границей появились первые политические эмигранты солдаты и офицеры, активные участники этих морских и сухопутных восстаний; многие из них работали в России от лица нашей партии. За границей они официально к ней примкнули. Всем стало очевидным, что от участия войск в восстании или против него зависит участь всего, небывалого по мощности, общественно-политического движения в России.

Во многих местах наша пропаганда и агитация имела хорошие успехи, и войска были привлечены к громадным уличным октябрьским демонстрациям. Однако мы должны были скоро убедиться, что наше воздействие на армию все-таки весьма слабо, и что нам необходимо приложить все силы к этому делу.

Уже к концу 1905 года мы, большевики, устраиваем при всех наших комитетах военные организации. Тотчас же создается нелегальный орган нашей организации — газета «Казарма», которая выходит не периодически, но по мере накопления материала и по мере технических возможностей в выпуске ее. Издавали мы ее тайным образом в различных типографиях Петербурга. Печаталась она превосходно, имела интересное содержание и читалась очень охотно. Газета, нелегально конечно, отправлялась в провинцию. Помимо газеты, выпускались отдельные прокламации от редакции «Казармы».

Полиция и охранное отделение принимали все меры, чтобы открыть местопребывание редакции и взять типографию. Курьезнее всего то, что однажды охранное отделение произвело полнейший разгром нашего партийного издательства «Вперед» (в Петербурге), которым я заведывал, перевернуло буквально все вверх дном, арестовало меня и других товарищей, но того, кто числился у нас корректором,— на самом деле он всецело был посвящен работе по газете «Казарма», — тов. Чужака (Насимовича), отказавшегося в Архангельске во время русско-японской войны от поступления в войска, судившегося и бежавшего из-под ареста за границу, а в 1906 году жившего в Петербурге под чужим паспортом,— его охранка выпустила из нашего магазина вместе с публикой. Очевидно, имея какие-то данные через шпиков, чины охранки тщательно что-то искали, заглянули даже в печи, но сохраняющийся в потайном обыкновенном столе под крышкой и в ножках архив «Казармы» найти не могли, и я, после выхода из тюрьмы, благополучно этот архив вынес из помещения и передал в нашу военную организацию.

В газете «Казарма» я поместил несколько моих статей, воззваний и заметок. Также я писал для этой редакции прокламации, выпущенные отдельными листками.

К сожалению, в военную нашу группу при Петербургском комитете проникли сомнительные

элементы, среди которых очевидно были шпионы. Главные деятели «Казармы» были арестованы, судимы военным судом и сосланы в Сибирь.

После «Казармы» было еще несколько попыток выпускать газету для солдат, но эти попытки имели мало успеха. В черные годы реакции, 1907—1908 гг., наша работа была до чрезвычайности затруднена даже в рабочих кварталах, а среди войск особенно. На деле пропаганды среди солдат, как известно, провалилась с. д. фракция второй Государственной думы. Охранное отделение зорко следило за казармами и очевидно давало особые приказания на этот счет своим агентам. Так, обнаруженная нами как провокатор известная деятельница в Петербурге по кличке «Люся» настойчиво хотела создать «мощную», как говорила она, военную социал-демократическую организацию, стараясь затащить в нее решительно всех, и лишь сугубая осторожность опытных старых конспираторов нашей партии, ставших весьма подозрительно относиться к этой пронырливой красивой женщине, спасла десятки товарищей от верного провала. «Люся» вскоре были разоблачена и быстро скрылась из Петербурга.

Другой известный провокатор Мирон стремился в «Правде» как-нибудь задеть военный вопрос и тем самым погубить и газету, и редакцию, и сотрудников.

Наконец, известнейший провокатор Малиновский изо всех сил добивался создать возле себя

«внедумскую», как заявлял он, военную организацию, дабы иметь опору в «войсках», и крайне негодовал, когда я, относясь вообще к нему чрезвычайно осторожно и подозрительно, просто послал его к чорту с этими предложениями, ибо ясно видел, что добра от этого не будет. Через три недели после моей решительной размолвки с Малиновским он был разоблачен в Думе как провокатор, скрылся с питерского горизонта, а я, так же как и другие товарищи, к которым он обращался с таким же внедумским предложением, был подвергнут тщательному обыску и особенно сильному надзору шпиков.

Так в эти годы почти совершенно затихла наша пропаганда в войсках, чтобы вновь проявиться в годы империалистической войны.

14

Выход книги В. И. Ленина «Шаг вперед — два шага назад»

Весной 1904 года в партийной типографии печаталась книга Владимира Ильича «Шаг вперед — два шага назад (кризис в нашей партии)». Эта книга должна была совершенно огорчить меньшевиков; они прекрасно знали, что с ее появлением в партии начнет выявляться переломное настроение, конечно не в пользу меньшевиков. Вот почему с назначением нового заграничного представителя тов. Носкова они воспрянули духом и сделали попытку к задержанию выхода этой книжки.

Когда работа Владимира Ильича набиралась в нашей партийной типографии, находившейся в

руках меньшевиков, я стал на всякий случай принимать меры к быстрому печатанию ее по отдельным листам и к немедленной вывозке листов в брошировочную, где они тотчас же поступали в работу, дабы по отпечатании последнего листа книга сейчас же могла быть выпущена в свет. Я определенно допускал мысль, что руководители партийной типографии могут чинить препятствия к выходу в свет книги Владимира Ильича.

Мои предчувствия подтвердились. Когда мы быстро сброшировали последние листы, наклеили обложку в брошировочной и так же быстро доставили книгу Владимира Ильича в экспедицию, где было все организовано для немедленной рассылки ее по колониям, группам, магазинам и отдельным лицам, к нам в экспедицию вдруг явился заграничный представитель ЦК—товарищ Носков — и спросил меня:

— Когда выйдет книжка Ленина?

— Она уже вышла... — и я подал ему готовый экземпляр.

— Как так? Ведь она только что печаталась?— недоумевал он.

— А теперь уже сброширована.

— Чем это вы заняты?—допытывался он у меня.

— Подготовлением посылок для рассылки книги повсюду.

— Нет, нет, этого нельзя... Я должен еще ее прочесть.

— Ну и читайте...

— Нет, нет, рассылать нельзя... Я властью ЦК запрещаю рассылать...

Мы расхохотались.

— Представитель ЦК в роли цензора партийной литературы!..

— Вот так примиренец!

— Это чорт знает что!.. — послышалось отовсюду.

— Так как вы сделали официальное заявление от ЦК и требуете приостановить рассылку книги Владимира Ильича, то прежде всего,—сказал я Носкову,—я предлагаю вам немедленно подтвердить ваши слова письменно, а во-вторых, указать на тот параграф устава партии, который разрешает вам такое заявление делать...

Носков вскипел, побледнел и буквально завопил:

— Я запрещаю, запрещаю! Неподчинение ЦК! Мы посмотрим, исключим...

Видя нашего почтенного товарища в припадке бешенства, мы стали смеяться, шутя над тем, сколь неподобающа для члена ЦК роль цензора партийной литературы. Я с своей стороны заявил ему, что буду поджидать его письменного уведомления и конечно рассылку не остановлю, а, наоборот, пока что усилю ее. Носков выскочил из экспедиции, как ошпаренный, и пулей понесся в ЦО.

Мы спокойно продолжали свою работу и сразу в большом количестве разослали книжку Владимира Ильича по всем странам, приняв самые энергичные меры к доставке ее в Россию. С Носковым по этому поводу у нас была переписка, ныне опубликованная в изданиях Истпарта. Более в экспедицию Носков не являлся.

Разрыв все более и более назревал.

Мы усиленно продолжали рассылку книги Владимира Ильича. Получили все сброшированные экземпляры, в том числе и на тонкой бумаге для отправки в Россию, и тотчас же всеми возможными путями двинули их в комитеты и организации нашей партии.

Книга Владимира Ильича вызвала взрыв негодования среди меньшевиков. Уже в № 66 «Искры» (15 мая 1904 г.) напечатан фельетон: «Каутский о наших партийных разногласиях», где редакция «Искры» начинает трепать новый памфлет Владимира Ильича. Характерно, что и в то весьма отдаленное время в Каутском меньшевики находили поддержку и опору в их безудержной яростной борьбе против большевизма, который и тогда уже был не по вкусу Каутскому. В других статьях старались они (особенно Мартов) всеми мерами низвести полемику второго съезда с высот принципиальных разногласий на личные счеты, дрязги из-за места в редакции и пр.

15

Окончательное организационное отделение большевиков от меньшевиков

Вскоре наступил момент полного технического размежевания. Новый заграничный представитель ЦК пожелал принять экспедицию в свои руки. Мы были к этому совершенно готовы. Когда явилась ко мне комиссия для принятия партийного экспедиционного имущества, я конечно тотчас же согласился сдать все, что меньшевикам, по справедливости, принадлежит. На первом же заседании я указал им, что вероятно они не очень-то хотят распространять литературу, принадлежащую перу большевистских писателей, тем более политическую, появившуюся после раскола, и что, само собой понятно, мы оставляем ее в своей экспедиции.

— А разве у вас будет своя экспедиция?— спросил кто-то у меня.

— А как же? Неужели вы думаете, что с уходом от нас меньшевистской «Искры» мы умрем?..

Я старался мирным путем отвоевать «по взаимному соглашению» возможно больше той литературы, которая носила общетеоретический характер и была вполне приемлема для нас. Этот вопрос довольно мирно был улажен.

Наконец я спросил: когда они думают переезжать?

И здесь только определилось, насколько хорошо было, что наша экспедиция имела свой соб-

ственный адрес, ибо нам стало ясно, что меньшевики хотели лишить нас этой квартиры и тем самым причинить массу хлопот по устройству новой экспедиции.

Я твердо заявил им, что эта квартира снята на мое имя и я не желаю ее никому передавать, и тут же указал, что они имеют свою экспедицию, адрес которой печатают в «Искре». Наконец и этот вопрос был улажен, и вскоре меньшевики увезли от нас принадлежавшее им добро.

16

Организация нового большевистского издательства.

Мы облегченно вздохнули. Отношения наши теперь, по крайней мере, стали вполне ясными. Мы решили издавать брошюры. Владимир Ильич предложил мне организовать это дело и начать выпускать книжки под общим названием «Издательство Влад. Бонч-Бруевича», ставя заголовок партии. Я охотно согласился и в несколько дней устроил дело с типографией, заключив условие с группой рабочих-эмигрантов, имевших небольшую русскую кооперативную наборную. Мы перевели ее в тот же дом, где жили, и тотчас же приступили к делу. Мы сразу выпустили несколько брошюр, направленных на борьбу за съезд и на полемику с меньшевиками. Брошюры Ленина, Галерки, Рядового, Шахова (Малинина), Орловского и других выходили одна за другой и распространялись повсюду. Меньшевики проявляли явное не-

довольство, и наконец я получил запрос от Совета партии, в котором меня спрашивали, почему я стал издавать книжки, не испросив разрешения у Совета?

Я тотчас же заготовил краткий ответ, в котором просил Совет партии указать мне параграф устава, который запрещал бы тому или иному члену партии заниматься издательством книг, принадлежащих перу той или иной группы литераторов социал-демократов. Этот ответ, прежде чем послать, я конечно показал Владимиру Ильичу, который вполне его одобрил. Совет партии оставил мой вопрос без ответа, и наша издательская деятельность продолжала успешно развиваться.

После появления нескольких брошюр, когда все уже было организовано и продолжать дело было очень легко, я решил обратиться к Владимиру Ильичу с просьбой, чтобы все издания выходили с его адресом и чтобы само издательство носило не мое, а его имя. Владимир Ильич наотрез отказался и, несмотря на все мои доводы, что для вновь создающейся партии (пока фракции) социал-демократов большевиков это в тысячу раз будет авторитетнее и лучше,—категорически настаивал на том, чтобы оставался только мой адрес. Тогда я ему рассказал о нескольких моих беседах и наблюдениях и привел целый ряд доводов, что есть признаки зависти, недовольства и претензий на меня среди некоторых наших же товарищей; что я

крайне боюсь вызвать какое-либо отвлечение сил по всем этим эмигрантским пустякам; что я и без указания моей фамилии буду конечно работать так же, как работал раньше и работаю теперь; что появление книг в его, Владимира Ильича, издательстве сразу внесет полное успокоение среди высказывавших, упомянутое уже мною, недовольство. Лишь после этого он сказал мне:

— Ну, хорошо. Печатайте, во благо успокоения, вот так,—и быстро написал на клочке бумаги:

«Издание Влад. Бонч-Бруевича и Н. Ленина».

Я взял карандаш и хотел зачеркнуть свою фамилию.

Он пристально, строго посмотрел на меня и коротко сказал:

— Этого делать нельзя...—и тотчас же перешел на деловые разговоры по множеству вопросов.

И после этого наши книжки стали выходить в свет с обозначением на обложках и титульных листах: «Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина».

17

Организация и оживление групп содействия

Мы с каждым днем все более крепли в своей организации. Вскоре наш женевский центр командировал меня объехать Швейцарию, а Вацлава Вацлавовича Воровского направил в Германию,

Францию и Бельгию для устройства новых, для знакомства с уже существующими группами содействия нашей организации и для информации групп с положением дел в партии.

Как ему, так и мне удалось организовать и сблизить уже нарождавшиеся группы содействия большевистской организации.

В Берне во главе такой группы стали студенты Бернского университета тов. Радомысленский (Зиновьев) и Казаков (Свиягин), будущий член военной нашей организации, убитый в империалистическую войну во Франции в рядах французских войск, куда вступил он добровольно.

В Берне группа приступила к изданию «Бюллетеней о русско-японской войне» и весь доход от этого предприятия посылала в нашу большевистскую кассу. Такие же группы возникли и во всех других швейцарских городах. Вацлав Вацлавович Воровский организовал сильные группы в Берлине, в Дармштадте, в Митвейде, в Мюнхене, а также в Льеже, в Брюсселе, в Париже. Он везде выступал с разоблачающими рефератами, за что и подвергался преследованиям со стороны меньшевиков, которые ничего лучшего не могли придумать, как разглашать всяческие нелепости о причинах, побудивших Вацлава Вацлавовича разойтись в ссылке с своей первой женой. Конечно, в наших рядах эта достойная «принципиальная» кампания меньшевиков, кроме смеха, шуток и презрения, ничего не вызвала, еще раз подчерк-

нув, что обывательщина и самое противное мещанство господствуют в нравах этих умеренных и аккуратных людей.

Вполне организовав и наладив дело распространения нашей литературы за границей, мы в то же время усиленно работали над организацией транспорта ее в Россию.

18

Мелкий транспорт

Помимо обычной переправы литературы через границу, мы решили организовать так называемый мелкий транспорт. Самое главное в этом деле было найти подходящие швейцарские мастерские, где можно было бы делать наше дело возможно более конспиративно.

Во время раскола партии В. М. Бонч-Бруевич (Величкина) в группе большевиков в Женеве взяла на себя хлопотливую обязанность так называемого «мелкого транспорта»». Дело в том, что нам необходимо было сейчас же по выходе как отдельных брошюр, так и нашей газеты «Вперед», воззваний, листков, дискуссионных и политических материалов, переправлять их в Россию хотя бы в единичных экземплярах. Наши рабочие организации, комитеты и отдельные ответственные товарищи должны были иметь их как можно скорее, для того чтобы они могли всегда знать и чувствовать ту политическую линию, которую

твердо вел наш главный женевский редактор и вождь большевиков В. И. Ленин.

Вера Михайловна дала одному «своему» переплетчику — швейцарцу, сочувствовавшему нашей работе, задание: изобрести такой клеевой состав, который мог бы склеивать тончайшую отпечатанную бумагу, при размачивании легко отделяющуюся лист от листа. Наш швейцарский товарищ произвел множество опытов и добился того, что склеенную нашу литературу, отпечатанную на тончайшей библейской бумаге, на которой обыкновенно в Англии печатают евангелия, или на бумаге подходящего сорта, можно было, осторожно размочив в тазу теплой воды, свободно отделять лист от листа, просушивать и читать, как обыкновенную газету. Склеенные листы наших изданий употреблялись как картон для переплетов, паспарту, картон для наклейки картин, для страниц альбомов, как дно и стенки чемоданов, несессеров, как подставки для ручных зеркалец, как картонки для дамских шляп и т. п.

Широко применяя это техническое усовершенствование, Вера Михайловна и сама и через своих знакомых как в Женеве, так и в других городах, чтобы не обратить внимания русских шпионов, стала скупать всевозможные вещи и безделушки, храня их отчасти у себя на квартире, отчасти у других товарищей.

И дело закипело. Множество экземпляров нашей литературы было заделано в эти весьма

изящные вещички. Всевозможные мадонны и другие гравюры лучших западно-европейских художников с величайшим искусством первоклассного переплетного мастера были наклеены на картон, как в одиночку, так и целыми альбомами, страницы которых состояли из нашей литературы, превращенной в картон.

Очень часто какая-либо архибуржуазная семья или студентки, едущие в Россию, даже и отдаленно не подозревали, что, везя с собой изящные подарки «родственникам» и знакомым Веры Михайловны, они были буквально начинены нашей литературой. Гравюры и картины мы просто отправляли по почте через переплетчика, и я не знаю случая их провала.

Мне самому пришлось воспользоваться услугами этого мелкого транспорта. Нелегально объезжая в начале 1905 года Россию по поручению нашей организации, я в Харькове, в одном радикальном доме, где мне устроили приют, узнал, что они только несколько дней тому назад получили из-за границы изящно сделанные, наклеенные на богатое паспарту картины Беклина, отпечатанные прекрасной трехцветной печатью.

Хозяин и хозяйка терялись в догадках, кто мог быть тот милый заграничный друг, вспомнивший их и «к пасхе» приславший такой прекрасный подарок. Я попросил показать мне эти картины, которые уже красовались на стенах в каби-

нете хозяина, и тотчас же догадался, что это из Женевы, от нашего транспортного отделения.

Хозяин сообщил мне, что почтовый штемпель был из Франции; «какой-то городок Морне», — прибавил он. Я-то знал, что мы, чтобы не заваливать женевскую почту и не быть выслеженными шпионами, нередко отправляли наши издания из Франции, граница которой проходит в нескольких километрах от Женевы, и чаще всего из Морне. Так как хозяин был «свой» человек, то я сказал ему, что эти картины для меня, и что впредь, получая, он немедленно должен будет передавать их в нашу организацию. Я попросил теплой воды в большом тазу, запер двери кабинета, безжалостно взрезал паспарту, по возможности очистил верхний слой бумаги и погрузил всю эту массу в воду. Минут через пятнадцать вся масса пропиталась водой и я легко стал снимать лист за листом и раскладывать эти книжные новинки по всему обширному кабинету. Бумага быстро просыхала. Хозяин стоял в каком-то оцепенении и видимо не верил своим глазам, что прекрасные картины Беклина родили из себя последние номера нашей газеты «Вперед», брошюры Ленина, Галерки, Рядового, различные листки и пр.

Через два часа мы с подошедшими товарищами из местной организации принялись с жадностью читать последнее слово нашей партии. Получив новые директивы, мы решили в этот же день вечером выступить на собрании с совершенно но-

выми сведениями, окрыленные и ободренные могучим голосом того, за кем мы шли с беззаветной преданностью.

Вера Михайловна продолжала развивать дело мелкого транспорта. Помимо описанного способа, из городов западной Европы и даже Америки мы посылали в Россию множество брошюр в запечатанных конвертах обыкновенным почтовым письмом, тщательно разнообразя вид конвертов, нередко печатая на них фирмы несуществующих коммерческих предприятий. Собирая в большом количестве каталоги семенных магазинов, каталоги сельскохозяйственных орудий, машиностроительных фирм, аптекарских товаров и пр. и т. п., мы вкладывали в них литературу и отсылали почтой в Россию.

Чемоданы с двойным дном, одно время потерпевшие полное фиаско, ибо жандармы научились их простукивать, опять пошли в ход благодаря изобретательности нашего переплетчика; он подрядил своего знакомого кустаря, делавшего чемоданы, весь остов которых состоял из нашего клеевого конспиративного картона, так что двойное дно и не требовалось делать.

Так работал малый транспорт; Вера Михайловна отдавала ему много сил и энергии, и за все время существования таких отсылок не было ни одного случая провала. Малый транспорт сделался неуловим, потому что нельзя было, в самом деле, подвергать особому исследованию все вещи,

которые везут пассажиры, или разорять все чемоданы. И Вера Михайловна бесконечно радовалась, постоянно получая сведения, что рассылаемые ею вещи, картины и прочее достигали своего назначения.

19

Деятельность нового нашего издательства

Начиная самостоятельно издавать нашу литературу, мы поместили следующее наше заявление:

> «Предпринимая издательство социал-демократической партийной литературы, в особенности посвященной защите принципиальной позиции большинства второго партийного съезда, приглашаем всех сочувствующих к материальной и литературной поддержке этого начинания.
>
> В. Бонч-Бруевич
> Н. Ленин».

И мало-по-малу эта помощь начинала оказываться с разных сторон. Мы выпустили за это время следующие издания:

1) Галерка. «Долой бонапартизм» (Разбор и критика декларации ЦК).

2) Галерка и Рядовой. «Наши недоразумения». Содержание этой интересной брошюры было следующее: 1) Галерка. «Наши недоразумения». 2) Его же. «Недоразумения рассеялись». 3) Рядовой. «Наконец-то». 4) Л. М. «От редакции»

(«Искра»). 5) Рядовой. «Ответ Л. М.». 6) Его же. «К сведению читателей, которые пожелали бы сотрудничать в «Искре». 7) Его же. «Роза Люксембург против Карла Маркса». 8) Его же. «Один из выводов». 9) Галерка. «Орган без партии и партия без органа».

3) «К партии». Содержание: 1) «К партии». 2) Резолюция Рижского комитета. 3) Резолюция Московского комитета. 4) Резолюция Женевской группы большинства. 5) Открытое письмо группы большинства «примиренскому» собранию, состоявшемуся в г. Женеве 2 сентября 1904 года. 6) «От издателя».

4) Рядовой. «О социализме».

5) Шахов. «Борьба за съезд». Содержание: 1) «Борьба за второй съезд». 2) «Отношение комитетов к перемене редакции». 3) «Отношение комитетов к перемене редакции». (Продолжение). 4) «Борьба за третий съезд». 5) «Борьба за третий съезд». (Продолжение). 6) «Переход части ЦК на сторону меньшинства».

6) Галерка. «На новый путь». Содержание: «На новый путь». «Здоровые мысли в гнилой оболочке».

7) Речь Людмилы Громозовой.

8) Горин и Лядов. «Четвертое лицо в третейском суде».

9) Заявление заграничного представителя ЦК РСДРП.

10) Каутский, Карл. «Социальная революция». Содержание: 1) «Социальная реформа и социальная революция». 2) «На другой день после социальной революции».

11) Заявление по поводу сдачи партийной экспедиции.

12) Комментарии к протоколам II съезда заграничной Лиги русской социал-демократии.

13) Н. Ленин. «К деревенской бедноте». (Объяснения для крестьян, чего хотят социал-демократы).

14) Н. Ленин. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах».

15) Н. Ленин. «О штрафах».

16) Н. Ленин. «Задачи русских социал-демократов».

17) Орловский. «Амстердамский конгресс и доклад меньшинства».

18) Рядовой. «Либеральные программы».

19) Орловский. «Совет против партии».

Как видит читатель, все наши издания по преимуществу касались внутрипартийных вопросов, страстной борьбы против нового оппортунистического течения в нашей партии, рассматривали вопросы организации и тактики. Лишь изредка, почти случайно, мы имели возможность выйти из этих рамок и затронуть другие вопросы, не только не менее, но нередко более важные в общеполитическом смысле, не говорю уже — вопросы теории и практики марксизма. У нас были очень

ограниченные средства, и мы экономили каждую копейку, собирая нужные нам суммы буквально по грошам; ввели самообложение, всевозможные подписки, продажу фотографических карточек и пр. Всего этого было, конечно, далеко не достаточно. Из России средства приходили, но так как среди фрондирующей буржуазии у нас не было связей и эти средства притекали к нам из рабочих кварталов, от студенческой молодежи, где были нищенские заработки, то, само собой понятно, наша касса пополнялась весьма скудно.

20

Организация первой большевистской газеты «Вперед» [1]

Несмотря на отсутствие средств мы должны были во что бы то ни стало выйти на широкую дорогу литературной пропаганды и агитации. Для этого нам нужна была своя газета. Эта мысль буквально не давала мне покоя. Я продумал всю практику ее организации, исходя из того, что наша касса почти пуста. Я знал, что Владимир Ильич засыпет меня множеством практических вопросов, как только я скажу ему об этом, и потому особенно тщательно продумывал все до мело-

[1] Очень было бы желательно, чтобы другие товарищи, принимавшие непосредственное участие в организации нашей большевистской газеты «Вперед» в Женеве в 1905 г., написали бы свои воспоминания, дабы исследователи нашей партийной истории могли бы наиболее полно и всесторонне осветить этот очень важный момент из деятельности нашей партии. Прим. В. Б.-Б.

чей. Об этом начинании пока что знали только несколько товарищей. Особенно подробно обсуждал я этот вопрос с В. В. Воровским. Название газеты я предложил «Вперед».

Договорившись о печати с русской кооперативной типографией, где организовавшие ее для заработка рабочие всецело пошли нам навстречу, заручившись кредитом на бумагу, переговорив с владельцем типографии и условившись с ним печатать газету на ротационной машине (ранее мы у него печатали все наши брошюры), сделав все выкладки, сметы и перечислив способы распространения, приблизительную смету распространения и продажи на наличные деньги будущей нашей газеты за границей (в Европе и в Америке), — я со всем этим материалом и с оттиском заголовка газеты направился к Владимиру Ильичу. Заявив ему, что пришел по крайне важному делу, я просил, чтобы во время обсуждения намеченного вопроса, кроме Надежды Константиновны, решительно никто не присутствовал. Я боялся всякого излишнего разглашения о газете, так как знал, что многим появление ее будет не по нутру, и могут помешать осуществлению плана.

Владимир Ильич насторожился. Я приступил прямо к делу и заявил ему, что время, когда мы могли пробавляться брошюрами, прошло, что наступил момент, когда мы должны начать издавать газету.

— Газету? — Вскочив, воскликнул Владимир Ильич.

— Да, газету...

— Легко сказать!.. А где деньги? Где литературные силы?..

— И то и другое у нас есть и даже в изобилии, — ответил я ему.

— Гм, гм... — произнес свое любимое восклицание Владимир Ильич. — Сомневаюсь, чтоб...

— Прошу выслушать и проанализировать документы.

И я стал с пунктуальной точностью рассказывать ему сметы себестоимости газеты, количество потребной бумаги для заграницы и для России, способы распространения, списки наших групп, имена отдельных лиц по курортам и колониям, которые будут продавать газету и которые ранее распространяли «Искру», при чем количество распространения новой нашей газеты я уменьшал на одну треть, чтобы не преувеличивать цифры дохода. Рассказав о каждой отрасли работы, я передал Владимиру Ильичу листок, на котором были кратко изложены все соображения и цифры.

Владимир Ильич видимо заинтересовался, проверял все положения, подсчитывал итоги и то-и-дело подавал реплики:

— Верно. А то у нас, бывает, по описке нолик лишний напишут, а потом и ахают...

— Десять тысяч?.. Десять тысяч экземпляров каждого номера... Нет, это невозможно, это слишком! Куда мы их денем? Две-три тысячи и то заглаза...

Я подал ему смету распространения.

— Вы уверены в этих цифрах?

— Да, безусловно.

— Вы можете лично мне сказать, что здесь нет преувеличения?.. — и Владимир Ильич испытующе, серьезно поднял пронизывающие глаза, в упор смотря мне в лицо.

— Могу, Владимир Ильич, и говорю твердо и убежденно, — ответил я ему, так же прямо смотря в глаза: — все эти цифры уменьшены на треть.

— Но первые цифры, цифры «Искры» — это отправка вами газеты или действительная продажа, за которую получены деньги?

Действительная продажа. Цифры взяты после получения денежных переводов за них...

—Это интересно.

Владимир Ильич продолжал изучать цифры, взял бумагу, что-то вачислял, соображал и вдруг сказал:

— Пожалуй, тысяч пять можно печатать.

Я любовался им.

«Вот, — думал я, — настоящий хозяин партии. Как экономит он каждую пролетарскую копейку, с каким знанием дела, с каким искусством подходит он к совершенно новой, казалось бы, для него отрасли работы и как увлекается!»

Он прочел все поданные мной бумаги и очень скептически отнесся к кредиту на бумагу и в типографии. После того как я ему показал официальные письма бумажной конторы и типографии, где он удостоверился, что это серьезно и что бумагу можно брать хоть сейчас же, а из типографии имеется повторный запрос, когда поступит набор к печати, — он вдруг спросил:

— На чье имя кредит?

— На мое, — ответил я ему.

— Ну вот и влетите. Мы вас в два месяца съедим; платить будет нечем, потащут в суд, опишут —и в тюрьму.

Я рассмеялся и сказал ему, что это не так все страшно: у нас есть запасный капитал, М. С. Ольминский предлагает свои золотые часы с цепочкой в заклад на организацию газеты, найдется и еще кое-что, — одним словом справимся.

— Нет, нет, так нельзя... Нужно всем участвовать, застраховать вас на всякий случай круговой порукой... Я иначе не соглашусь.

И здесь, как всегда, Владимир Ильич проявил себя самым заботливым старшим товарищем, всегда входящим во все мелочи жизни тех, с кем он работал.

Я вынул из папки отпечатанный заголовок газеты «Вперед» и показал ему.

— Мы думаем вот так пустить газету.

Владимир Ильич тихо засмеялся, посмотрел на меня добрыми, ласковыми глазами и сказал:

— Уже и заголовок готов... Не очень ли спешим?

Заголовок ему понравился. Тогда я вынул оттиснутый на станке такой же заголовок меньшего размера, с которым должно было выйти предварительное извещение о газете, и сказал:

— Необходимо сейчас же, Владимир Ильич, готовить текст извещения, назначить через два-три дня собрание ближайших сотрудников для выяснения всех редакторских вопросов и тотчас же приступить к работе.

Условились, что через три дня я созову у себя на квартире общее собрание наших литераторов и практиков, и тут же составили список членов собрания. В него, насколько помню, вошли В. И. Ленин, Н. К. Крупская, А. А. Богданов (Рядовой), М. С. Ольминский (Галерка), В. В. Воровский (Орловский), В. М. Бонч-Бруевич (Величкина-Перова), М. Мандельштам (Лядов), П. Н. Лепешинский, Ф. Ф. Ильин, Павлович (П. А. Красиков), В. Д. Бонч-Бруевич, Гусев, Малинин (Шахов), Нищая (псевдоним), Л. А. Фотиева, Л. Громозова Кранихфельд, Л. О. Лепешинская, О. Б. Мандельштам и еще некоторые наши товарищи, жившие в то время в Женеве.

Еще до собрания Владимир Ильич дал мне коротенький текст извещения по поводу выпуска газеты, который он подписал к составленному мной проспекту. Я экстренно набрал его и отпеча-

тал предварительно несколько сот экземпляров, чтобы принести их на наше собрание.

Это было в конце ноября 1904 года. Собрание наше было в высшей степени оживленное, радостное. Только Владимир Ильич был сначала сумрачен, высказывая явное неудовольствие, что он с товарищами поставлен перед фактом отпечатанного извещения, и обратился ко мне:

— Как же это вы напечатали? Кто разрешил?

Я прикинулся недоумевающим и просто ответил ему:

— Отпечатано немного, чтобы всем было удобнее читать при обсуждении; ни одного экземпляра не распространено, и, если собранию будет угодно, можно сейчас же все эти экземпляры уничтожить, а набор рассыпать.

— Так это напечатано только для нашего удобства? — переспросил Владимир Ильич и усмехнулся; он верил и не верил.

Михаил Степанович Ольминский, весь радостный, добродушно улыбаясь, успокаивал Владимира Ильича. Воровский хитро подмигивал мне, ибо оба они, мои ближайшие друзья, были посвящены во всю конспирацию и прекрасно знали, что целые груды этого извещения уже лежат у меня в соседней комнате с надписанными адресами и ждут только утверждения собранием текста, чтобы в ту же ночь отправиться во все края света.

Началось собрание.

Владимир Ильич высказал откровенно все свои

экономические сомнения. Когда этот вопрос быстро был разобран и единогласно проголосовано, что можно начинать издавать газету, мы перешли к литературной стороне дела. Владимир Ильич проявил здесь еще больший пессимизм; он говорил, что корреспондентов и материалов мало, что газета выйдет плохая и пр. Но собрание проходило с таким подъемом и все были так полны желанием, чтобы газета была организована, что пессимизм Владимира Ильича был поколеблен. Был проголосован состав редакции: главный ответственный редактор В. И. Ленин, редакторы отделов: М. С. Ольминский, А. А. Богданов, В. В. Воровский. Тут же было решено пригласить А. В. Луначарского (Воинова), который, по сообщению А. А. Богданова, находился в то время в Париже и собирался приехать в Женеву.

Текст проспекта о выходе газеты «Вперед» был принят единогласно, без всяких исправлений. Решено было предложить Луначарскому написать принципиальное заявление от редакции новой газеты, которое должно было выйти до первого номера и так же широко быть распространено, как и уже отпечатанный проспект. В нем подробно говорилось о времени выхода газеты, о том, кем, какой группой газета будет издаваться, кратко перечислялись отделы газеты, условия выхода и подписки на нее, расценка в денежных знаках разных стран, адрес редакции и экспедиции и прочие практические сведения. Вся прак-

тическая часть была составлена мной, а маленькая литературная — Владимиром Ильичом.

Это извещение, скорей объявление, напечатанное на цветной бумаге, в формате и по образцу такого же объявления о журнале «Рассвет», ранее мною выпущенного, ни в коем случае не надо смешивать с отдельным листком, написанным А. В. Луначарским, проредактированным редакцией «Вперед» и выпущенным на белой бумаге, в две колонки, в котором подробно говорилось о политических и социальных задачах газеты в связи с текущим моментом и с задачами нашей партии. Это было своего рода credo большевиков этого момента, возвещение о новой принципиальной борьбе могучим, испытанным оружием — периодической печатью, газетой, так всегда хорошо организующей силы единомышленников.

Нами всего было издано два заявления: 1) предварительное извещение - объявление (проспект) и 2) принципиальное заявление от редакции газеты «Вперед».

Собрание весело закончилось дружным пением революционных песен и Интернационала.

Владимир Ильич в этот вечер, как всегда, участвовал в общем хоре и пел с особым воодушевлением. Когда за полночь мы стали расходиться, я и мои товарищи, живущие в этом доме, тоже стали одеваться.

— А вы куда?.. — спросил Владимир Ильич.

— У нас есть дело...

— Какое дело?

Я отворил ему мою комнату и показал на груды обандероленных листков.

— Это что такое?

— Извещение о газете «Вперед», которое сейчас же будет опущено в почтовые ящики, чтобы с первой утренней почтой разлететься по всему свету.

— Это провокация,—шутя и смеясь и, видимо, радуясь этой быстроте, сказал Владимир Ильич.

Товарищи острили над тем, что нам удалось-таки «провести» нашего Ильича и «принудить» издавать газету.

Мы захватили каждый по охапке объявлений, рассовали их в карманы. Владимир Ильич взялся нам помогать и сказал, что опустит их у себя в квартале, — он жил довольно далеко от нашего центра, подальше от любопытных глаз: так было конспиративней для разных негласных свиданий и политических встреч, которые нередко бывали у Владимира Ильича в то время в Женеве.

В эту ночь мы заполнили множество почтовых ящиков нашими бандеролями, опустили большое количество их в огромные ящики у главного почтамта и у районных почтовых отделений.

На другой день с первой почтой русская, польская, украинская, еврейская, армянская, латышская эмиграции всех партий и всех направлений

узнали о том, что большевики начинают издавать газету. Конечно мы послали наше воззвание не только в редакции газет и журналов, но и лично Плеханову, Мартову, Засулич, Аксельроду, Дану, Потресову и другим видным меньшевикам. Столовые, читальни также получили их. На утро, к полдню, в русской Женеве только и было разговоров, что об издании большевистской газеты «Вперед». Тотчас же распространились легенды о громадных суммах, полученных нами на издание газеты.

Один из видных меньшевиков, встретив меня на улице, тотчас же задал мне вопрос:

— Правда ли, что вы получили двести тысяч франков на издание газеты?

— Немного меньше,— ответил я ему, и он понесся от меня, как чорт от ладана, трубя повсюду об этой большой неприятности.

А у нас на самом деле не было денег даже на одну страницу газеты, и мы пустились в это рискованное плавание, помня лишь одно, что «храбрость города берет» и будучи вполне уверенными, что рабочие России нас поддержат.

Через несколько дней мы стали получать со всех сторон из европейских городов запросы на газету от наших групп. Нам присылали приветствия и деньги по специальным сборам.

И дело закипело.

Отношение меньшевиков к нашей литературе

До какой степени важно было тогда дело издания самостоятельной большевистской газеты—видно хотя бы из того, как немедленно переменила тон меньшевистская «Искра». Ранее, кроме самой заправской ругани и прямых издевательств над литературной деятельностью нашей группы, мы ничего не встречали в этой газете. Напечатает ли Владимир Ильич отдельной брошюрой свое письмо «Почему я вышел из редакции «Искры»?», — после того как эта почтенная газета мариновала это заявление одного из основателей революционной «Искры» и главного ее редактора,—тотчас же ругань «от редакции» и, как всегда, с личными намеками, с массой фраз о благородстве «Искры», полемика и самая отчаянная травля личности Владимира Ильича (см. «Искра» №-55, 15 декабря 1903 г., отдел «Из партии», ст. «От редакции»). Плеханов во всех своих статьях, касающихся хоть сколько-нибудь партии, обязательно бьет, чем только может, Владимира Ильича и его сотрудников, этих «твердокаменных», «твердолобых» и пр. За Плехановым, по пословице: «куда конь с копытом, туда и рак с клешней», плетется Мартов, за ним Аксельрод, Потресов и все и вся, кто только уверовал в меньшевистскую доктрину.

Обстреливали нас из газетных пулеметов, а мы могли лишь изредка, до полного разрыва, посылать в их лагерь тот или иной снаряд в виде отдельных брошюр. Только один раз, до разрыва, хлопнули мы из крупнейшего калибра, когда с выходом в мае 1904 года книги Владимира Ильича «Шаг вперед—два шага назад» в меньшевистском лагере проявилось смятение, и они всеми своими перьями записали ответы. Долго не могли они успокоиться, помещая эти ответы на страницах своей газеты чуть ли не целый год после выхода книги Владимира Ильича.

Меньшевики не унывали и продолжали нас всячески ругать при каждом удобном и неудобном случае. В чем только нас не обвиняли! И в «недостойный поступок», и в «бонапартизме», и в том, что мы захватили партийную библиотеку и архив,— которые мы, и только мы, устроили решительно для всех,— и в захвате кассы, и вообще во всех смертных грехах, которые числились за коварным человечеством. О нашей издательской деятельности, когда мы после разрыва стали самостоятельно печатать брошюры, говорилось только с величайшим презрением, как о чем-то, скоро преходящем, как о какой-то чесотке, случайно севшей на благородные, чистые, святые руки меньшевистской братии—этих «истинных представителей российского пролетариата».

Как только появляется в нашем издательстве брошюра тов. Шахова «Борьба за съезд», тотчас

же печатается «письмо в редакцию» «Искры» (см. № 79 от 1 декабря 1904 г.), где товарищ Шахов, конечно, называется «господином», что, как известно, всегда считалось оскорбительным в наших рядах. Сейчас же пишется, что в брошюре «Борьба за съезд», «неизвестно почему носящей заголовок РСДРП, но в действительности выпущенной частной издательской компанией «В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина», на стр. 46...» и т. д.

Такое третирование литературно-политической, чисто партийной работы нашей группы встречалось нередко и в самой «Искре», и конечно на собраниях русской колонии, и даже в подпольных меньшевистских изданиях, выходивших в России.

22

Месть большевиков

Мы могли отвечать и мстить меньшевикам только бичующей сатирой. В наших рядах был старый наш друг и товарищ П. Н. Лепешинский, который, в силу своего природного дарования, партийную полемику быстро и талантливо переводил на язык карикатур. Его ядовитому перу принадлежит знаменитая карикатура «Как мыши кота хоронили», где Владимир Ильич изображен в качестве кота, притворившегося, что он умер. «Мыши» — редакция «Искры»,— возрадовавшись такому обстоятельству, отчитывают «кота», Владимира Ильича, как действительно умершего, пе-

речисляя ему все его прегрешения. Но,—о, ужас!—«кот» Владимир Ильич, все время следивший за «мышами» хитро прищуренным глазом, вдруг вскочил и стал беспощадно расправляться с ними, уже начавшими было править тризну. Мыши бросились кто куда, впопыхах растеряв все свои доспехи.

Эта злая карикатура вызвала невероятное возмущение меньшевиков. Плеханов, который органически не переваривал мышей, о чем конечно тов. Лепешинский не знал, до последней степени был потрясен и возмущен изображением его в неподобающем мышином виде. Его добрая и чрезвычайно нежно относившаяся к нему подруга жизни Розалия Марковна, которую мы очень любили и уважали, пришла ко мне и Вере Михайловне и, чуть не плача, высказывала свое негодование и возмущение этим ужасным глумлением над «Жоржом»,—как звала она Георгия Валентиновича. Мы объяснили ей, что выпуск карикатур—это единственно доступное нам теперь оружие самозащиты, и то, что пишется о Владимире Ильиче в газете «Искра» всеми ее редакторами, в том числе и самим Плехановым, столь возмутительно и гадко, что карикатура является невинной шуткой по сравнению с этим. Я прямо ей сказал, что предполагаем выпускать серию таких карикатур и таким образом отбиваться от наседающих на нас литераторов из «Искры».

Но Розалия Марковна была глуха к нашим

доводам. Она была столь оскорблена за своего знаменитого мужа, что не хотела даже предположить возможности сравнения его с кем бы то ни было; она упорно допытывалась, кто является автором карикатуры, от ответа на что мы конечно уклонились. Уходя, расстроенная и возбужденная, она сказала, что надеется, что Жорж не будет более фигурировать в этих «мерзких листках», и прибавила:

— Вы знаете, Жорж горяч, и он может, узнав автора, просто вызвать его на дуэль.

Я невольно улыбнулся и сказал:

— Кроме литературной, ведь вы знаете, социал-демократы никаких дуэлей не признают.

По этой реплике Розалии Марковны мы могли судить, до какой степени уязвлен был наш недавний учитель Георгий Валентинович Плеханов.

И она ушла, унося с собой самое тяжелое чувство негодования и кровной обиды. Но ничего иного мы сделать не могли: так политические взгляды совершенно разводят людей.

23

Отношение меньшевиков к газете «Вперед»

Тон «Искры» и рефератов на собраниях меньшевиков сразу резко изменился, как только мы разослали объявление о выходе нашей первой чисто большевистской газеты «Вперед».

В № 81 «Искры» (от 23 декабря 1904 г.), в отделе «Из партии» помещается заметка под

заглавием «Новая газета», очевидно инспирированная редакцией ЦО, то есть редакцией «Искры».

> «Мы получили объявление,— сообщается в этой заметке,—об издании новой социал-демократической газеты «Вперед». Как явствует из него, газета издается «литераторами», группировавшимися ранее около В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина, и намерена проводить в жизнь принципы, руководящие деятельностью названных писателей. Таким образом, направление, известное в партийном жаргоне под именем «твердого», получает возможность свободно высказываться по всем вопросам партийной политики. Этому нельзя не радоваться, потому что та узкая сфера организационных вопросов, которыми до сих пор почти исключительно занимались литераторы, группировавшиеся около Бонч-Бруевича и Ленина, не давала возможности широкой массе товарищей выяснить себе политический характер данного направления».

Вот видите, какой, можно сказать, «с божьей помощью», неожиданно крутой поворот!

Только что, накануне, в предыдущем номере, мы все оплевывались, смешивались с грязью, не имели права, по мнению «Искры», на своих изданиях даже ставить надпись «РСДРП»; а теперь

они, меньшевики, собственноручно вводят нас в лоно партии, приветствуют и радуются, что эти вчерашние «бонапартисты», «радикалы» и не знаю еще кто,—будут иметь возможность осветить перед партией не только организованные, но и все другие вопросы партийной политики.

«Вот она, сила газеты,— подумал я, когда прочел эту заметку меньшевистской редакции.—Чует кошка, чье мясо съела... Знают прекрасно, что газета в руках Владимира Ильича будет могучим орудием и разобьет все препятствия, разрушит все оппортунистические стены, которыми плотно хотят окружить молодое, но могучее русское революционное социал-демократическое движение пролетарских масс. Если экономизм был разбит более всего силами Владимира Ильича, то так же будет разбит и меньшевизм—его же силами, силами титана русской революции».

Положение наше сразу укрепилось. К нам стали стекаться неожиданные и неведомые друзья: со всех сторон повалили письма, приветствия, предложения содействия. Тотчас же стали поступать корреспонденции. Всех, вновь прибывших рабочих из России мы засаживали за писание их воспоминаний о рабочем движении, о рабочей жизни и таким образом получали ценнейший свежий, животрепещущий материал.

22 декабря 1904 года вышел первый номер нашей газеты «Вперед». Владимира Ильича нельзя было узнать. Он вновь обрел себя, встрепенулся и

с невероятной энергией принялся за организационную работу вокруг газеты.

7 января 1905 года я уехал в Россию нелегальным по поручению нашего Организационного комитета для работы по борьбе за третий съезд партии.

Газета «Вперед» регулярно выходила в свет, делая свое громадное партийное дело.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХ ИМЕН

А

Аксельрод П. Б. (Axelrod, P.) —3, 62, 93, 99, 101, 102, 105, 110, 112, 119, 154, 155.

Аксельрод, П. «Объединение российской социал-демократии и ее задачи».—119.

Александров (Ольминский) Мих. Степ.,—31.

Алексинский, П.,—120.

Анна Ильинична — см. Елизарова,—00.

Б

Библиотека и архив ЦК РСДРП в Женеве,—95, 156.

Богданов-Малиновский (Рядовой), А. А.,—11, 149, 151.

Большевики,—91, 93, 96, 104, 105, 106, 108, 111, 112, 124, 130, 131, 133, 137, 152, 154, 155, 157, 159, 160.

Бонч-Бруевич (Величкина), В. М.,—83, 136, 137, 138, 140, 141, 149.

Бонч-Бруевич В. М., (Величкина-Перова),149.

Бонч-Бруевич Влад. Дмитр.,—21, 48, 132, 141, 149, 160.

Бромлей, завод,—48.

«Бунд»,—62, 63, 70.

«Бюллетени о русско-японской войне», изд. Бернской группы содействия соц.-дем. большевиков,—135.

В

Величкина Бонч-Бруевич, Вер. Мих.,—11, 49, 83, 84, 87, 95, 158.

Вера Михайловна — см. Величкина (Бонч-Бруевич), Вер. Мих.

Воинов (Луначарский, А. В.), —151.

«Война против войны», прокламация ЦО РСДРП 1904 г. —116.

Владимир Дмитриевич — см. Бонч-Бруевич, Влад. Дмитр.

Владимир Ильич—см. Ленин, Вл. Ил.

Воровский (Орловский), Вац. Вац.—13, 134, 135, 145, 149, 150.

«Вперед», газета с.-д. большевиков,—96, 136, 139, 144, 145, 148, 151, 152, 153, 154, 159, 160, 161, 162.

«Вперед», партийное с.-д. (большевиков) издательство,—125.

Вторая государственная дума,—126.

Второй съезд РСДРП—91, 102, 130, 141.

Г

Галерка, (Ольминский, М. С.), —132, 139, 141, 149.

Георгий Валентинович — см. Плеханов, Г. В.

Германская с.-д. партия,—100.
Глеб, кличка Кржижановского, Г. М.,—111.
Горин (Галкин),—142.
Государственная дума,—127.
«Группа освобождения труда»,—3, 4, 35, 37, 56, 62, 64, 70, 103.
Группа содействия «группе освобождения труда»,—62, 63.
Гусев, С. И.,—149.

Д

Дан,—154.
Дашнаки,—58, 61.
«Дашнакцутюн», армянская революционная организация,—58.
Девятое января 1905 г.,—89.
Дикштейн,—14, 48.
«Для чего должен умирать русский солдат»—(«К солдатам»), прокламация ЦК РСДРП 1904 г.,—116.

Е

Елизарова, Ан. Ильин.,—27, 28, 29, 32.
Елизаров, М. Т.,—28.

Ж

Женевская группа содействия большевикам,—96.
«Жизнь», социал-демократическая организация,—72, 73, 75, 88, 89.
«Жизнь», социал-демократический журнал,—72, 73, 79.
Жорж,—см. Плеханов, Г. В.

З

Заграничная организация «Бунда»,—62.
«Заря» с.-д. журнал,—64, 98, 99, 100, 101, 102.
Засулич, В. И.,—3, 62, 103, 154.
Заявление заграничного представителя ЦК РСДРП,—142.
«Заявление по поводу сдачи партийной экспедиции», листовка,—143.
Зиновьев, Гр. Ев. (Радомысленский),—135.
Зубатов, нач. охр. отд.,—2, 51, 52.

И

Издательство социал-демократической партийной литературы В. Бонч-Бруевича и Н. Ленина»,—134.
«Искра», соц.-дем. газета,—63, 64, 70, 71, 73, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 116, 118, 122, 130, 131, 142, 146, 147, 155, 157, 158, 159, 160.
«Искра», соц.-дем. организация,—63.
Истпарт,—130.

К

«Казарма», с.-д. большевиков газета,—124, 125, 126.
Катаяма,—122.
Каутский, К.,—130.
«Книгоиздательство П. К. Прянишникова»,—50.
«К обществу», прокламация ЦО РСДРП, 1904 г.,—116.
«Ко всему рабочему классу», прокламация ЦО РСДРП, 1904 г.,—116.
«Комментарии к протоколам второго съезда заграничной лиги русской революционной социал-демократии»,—118, 143.

«Кому помогать?», прокламация ЦО РСДРП 1904 г.,—116.
Кооперативная русская типография в Женеве,—96, 132, 143, 145.
Красиков (Павлович), П. А.,—149.
«Красный крест», политический,—14.
Кружок чайковцев,—4.
Крупская, Над. Конст.,—145, 149.
«К русскому пролетариату», прокламация ЦК РСДРП 1904 г.,—116.
«К солдатам»—«Для чего должен умирать русский солдат?», прокламация ЦК РСДРП 1904 г.,—116.
Куртев,—68.

Л

Лассаль,—4, 14, 35.
Латышская с.-д. организация за границей,—57, 62, 73, 74, 89.
Лахтинская типография,—31, 34.
Ленгник, Ф. В.,—91, 93, 105, 111.
Ленин, Вл. Ил.,—16, 30, 32, 71, 91, 92, 93, 97, 99, 102, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 118, 119, 120, 128, 129, 132, 134, 137, 138, 141, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 153, 155, 156, 158, 160, 161.
Ленин, Н. «Задачи русских социал-демократов», — 143.
Ленин, Н. «К деревенской бедноте»,—143.
Ленин, Н.—«О штрафах»,—143.
Ленин, Н. «Письмо к товарищу о наших организационных задачах»,—113, 143.
Ленин, В. И. «Почему я вышел из редакции», письмо Н. Ленина,—106, 107, 113.
Ленин, В. И. «Почему я вышел из редакции «Искра»?», брошюра,—107.
Ленин, В. И. «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов?» книга,—16.
Ленин, В. И. «Шаг вперед, два шага назад»,—106, 127, 156.
Ленин, Н. — см. Ленин, В. И.
Лепешинская, О. Б.,—149.
Лепешинский, П. Н.,—149.
Либералы,—101.
«Лига русской революционной социал-демократии»,—102, 104.
Луначарский (Воинов), А. В.,—151, 152.
Люксембург, Роза,—142.
Лядов (Мандельштам), М. Н.,—95, 142, 149.

М

Малиновский (Богданов), А. А.,—11.
Малиновский, провокатор,—126, 127.
Мандельштам (Лядов, Лидин), М. Н.,—95, 112.
Мандельштам, М.,—149.
Марксисты,—10, 32, 33, 37, 52, 58, 59, 61, 62, 63, 104, 115, 143.
Маркс, К.,—4, 10, 35, 58, 142.
Маркс и Энгельс «Коммунистический манифест», армянский перевод,—58.
Маркс, К. «Капитал»,—35.

Маркс, К. «Наемный труд и капитал», брошюра,—14.
Мартов, Ю. О.,—96, 103, 109, 110, 118, 131, 154, 155.
«Международный жандарм», прокламация ЦО РСДРП 1904 г.,—116.
Меньшевики,—90, 92, 97, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 110, 111, 112, 113, 114, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 142, 143, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 161.
Микаэлян, Христофор,—58, 61.
Мирон (Черномазов), провокатор,—126.
Московская с.-д. организация,—45, 56.
Московский комитет РСДРП, —116.
Московский рабочий союз,—51.
Московский соц.-дем. процесс 1896 г.,—57.

Н

Надежда Константиновна — см. Крупская, Н. К.,—145.
«Народная воля»,—4.
Народовольцы,—32, 37, 58.
Народовольцы четвертого листка,—32.
Народники,—10.
Народоправцы,—4, 10, 11, 12.
Народоправческий процесс,—11.
Николаевский комитет РСДРП, —116 123.
Николай II-й,—114.
«Новая газета», заметка в «Искре»,—160.
Насимович (Чужак),—125.

О

Объединенный совет землячеств,—12.
Одесский комитет РСДРП,—116, 123.
Ольминский (Александров, Галерка), М. С.,—31, 148, 149, 150, 151.
Орловский (Воровский В. В.), —132, 149.
«Освобождение», журнал, — 101.
Охранное отделение,—24, 28, 50, 57, 87, 125, 126.

П

Павлович (П. А. Красиков),—149.
«Первая общерусская конференция партийных работников»,—103.
Перова (Величкина → Бонч-Бруевич), Вер. Мих.,—149.
Петербургский комитет РСДРП,—116, 125.
Плеханов, Г. В.,—3, 14, 56, 62, 64, 102, 103, 104, 109, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 154, 155, 158.
«Потемкин», броненосец,—123.
Потресов (Старовер), — 103, 154, 155.
ППС (Польская Партия Социалистическая),—70.
«Правда», газета,—126.
Примиренцы,—111, 114, 129, 142.

Р

Рабочедельцы,—62, 63.
«Рабочее дело», с.-д. журнал и группа,—62.
Радикалы,—161.
Радин, Л. П.,—14, 37, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55.
Радомысленский, (Зиновьев, Г. Е.),—135.

«Рассвет», соц.-дем. листок для сектантов,—122.
Рижская соц.-дем. организация,—90.
Российск. соц.-дем. раб. парт. (РСДРП),—91, 110, 114, 157. 160.
Русско-японская война, а также см. японская война,—116, 117, 122, 123, 125.
Рядовой, псевд. Богданова,—132, 139, 141, 149.

С

«Свободное слово», издательство А. и В. Чертковых в Англии,—71.
С.-д. фракция второй государственной думы,—126.
Скворцов-Степанов, И. И.,—11.
Смидович, Н. Г.,—11.
Смоленские железнодорожные мастерские,—48.
«Современник», журнал,—100.
Социалисты - революционеры, —73.
«Социал-демократ», журнал, издававшийся в Женеве «Группой освобождения труда»,—3, 57.
Социал-демократическая организация в г. Саратове,—49.
Социал-демократы, — 32, 38, 45, 49, 52, 56, 58, 68.
Союз щетинщиков Бунда, — 70.
Старовер—см. Потресов.
Степанов, И. И.,—11.
Струве, П. Б., либерал,—101.

Т

Таганская тюрьма,—53.
Типография «Искра»,—97.
Толстой, Л. Н.,—14, 71, 79.
Третий съезд РСДР Партии,—142, 162.

У

Ульянова - Елизарова, Анна Ильин.,—27.
Ульянов, Oulianoff, V (а также см. Ленин, В. И.),—110, 112.

Х

Харьковский комитет РСДРП, —116.

Ц

Цюрихская группа соц.-дем., 57.

Ч

Чайковцы,—4.
Черноморский флот,—123.
Чернышевский, Н. Г.,—35, 110.

Ш

Шахов (Малинин),—132, 149, 156, 157.

Э

Экономизм,—161.
Энгельс, Фр.,—58.

Я

Яков Пасынков, — псевдоним Л. П. Радина,—50.
Японская война,—115.
Японская рабочая партия,—121.

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Первоначальная техника подполья	3
Нелегальные типографии	16
Первый русский мимеограф	35
Как печатались за границей и доставлялись в Россию заграничные издания нашей партии	56
1. Группа «Освобождение труда»	56
2. «Рабочее дело» и первый раскол в социал-демократии	62
3. «Искра»	63
4. Распространение социал-демократической литературы через случайных сочувствующих	65
5. Распространение нашей литературы через «Бунд», ППС, курорты и книжные магазины	70
6 Транспорт «Искры»	71
7 Социал-демократическая организация «Жизнь» и ее транспорт	72
8. Встреча с Весманом в Риге после 9 января 1905 г.	89
9. После раскола социал-демократической партии на втором съезде	91
10. Организация новой экспедиции	93
11. История почтового адреса	97
12. Борьба большевиков за самостоятельный адрес	104
13. Нелегальная работа в войсках	114
14. Выход книги В. И. Ленина «Шаг вперед—два шага назад»	127
15. Окончательное организационное отделение большевиков от меньшевиков	131
16. Организация нового большевистского издательства	132
17. Организация и оживление групп содействия	134
18. Мелкий транспорт	136
19. Деятельность нового нашего издательства	141
20. Организация первой большевистской газеты «Вперед»	144
21. Отношение меньшевиков к нашей литературе	155
22. Месть большевиков	157
23. Отношение меньшевиков к газете «Вперед»	159
Алфавитный указатель собственных имен	163

ПОГАШЕНО

Цена 1 р. 50 коп.

СКЛАД ИЗДАНИЯ
КНИГОЦЕНТР ОГИЗА

Москва, Центр, Кузнецкий, 16. Ленинград,
Лентогиз, Проспект 25-го Октября, 28. Тел. 5-34-18.